15 214.
1-3

3р —

В. Мещеряковъ

ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА

Императрица Всероссійская

Грав. позв. Цен. А. Цвѣтаевъ Генваря 19. 1829 г. Москва

ДУХЪ

ВѢНЦЕНОСНЫХЪ СУПРУГОВЪ,

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВАЮЩИХЪ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Iго

И

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ.

Составленный

Николаемъ Данилевскимъ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Отдѣленіе первое.

МОСКВА

Въ Типографіи Семена Селивановскаго.

1829.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурной Комитетъ три экземпляра. Москва, Ноября 8 дня 1828 года. Цензоръ *Владиміръ Измайловъ*.

№ 28908
193

ВЪ МОСКВѢ

У Книгопродавца Василья Логинова на Никольской улицѣ.

ДУХЪ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Въ тѣ златыя времена, когда блистало солнце Екатерининой Премудрости, любимый Внукъ сей знаменитѣйшей Государыни, Правнукъ Петра I-го, Великій Александръ, на счастливой зарѣ весенней жизни, будучи не болѣе 16 лѣтъ, избралъ Себѣ достойную Супругу (1793 года Октября 28 дня).—Ктожъ была сія знаменитая Супруга?... Нужно ли повторять Ее имя, всякому извѣстное?..... Принцесса Баденская *Луиза Марія Авеуста*, дочь *Амаліи* Принцессы Дармштадской, родившаяся 1779 года Генваря 13 дня, слѣдовательно двумя годами бывшая моложе Императора, Своего Супруга, именно 14 лѣтъ, вступила въ бракъ съ Александромъ. — По совершеніи Святаго Муропомазанія Ея, получила Она наименованіе

Елисаветы Алексѣевны, которое впечатлѣлось навсегда въ сердцахъ вѣрноподданныхъ Россіянъ. Я не буду описывать сего бракосочетанія, о каковомъ упоминалъ уже при изложеніи Духа Императора Александра I-го; всякой догадается легко, что пышность и роскошь, достойныя величественныхъ временъ Екатерины, не были въ семъ случаѣ упущены.

Содѣлавшись Супругою такого Великаго Князя, каковъ былъ Александръ I-й, Елисавета Алексѣевна вскорѣ доказала, что Премудрая Екатерина не ошиблась въ Своемъ выборѣ; а это-то самое возродило любовь къ Ней новой Бабки. — Могла ли знаменитая Обладательница Россіи равнодушно взирать на Супругу любимаго Внука Своего? ... Нѣтъ! Души добродѣтельныя, какъ душа Императрицы Елисаветы, болѣе и болѣе привлекаютъ къ себѣ сердца каждаго чувствительнаго человѣка и изливаютъ неизъяснимыя прелести на все, ихъ окружающее. — Юныя лѣта молодой Супруги Александра, соединенныя съ цвѣтущею красотою, преимущественно отличались дивною скром-

ностію, нравомъ кроткимъ и тихимъ, отмѣннымъ великодушіемъ и постоянным милосердіемъ. Таковыя женскія добродѣтели оказывали уже въ Ней имѣющую быть нѣкогда *Благотворительницу Матв подданныхъ!* Не доказала ли Она сего въ самомъ дѣлѣ, будучи Императрицею?

Когда Великая Екатерина переселилась въ жизнь вѣчную, когда Императоръ Павелъ Петровичъ уклонился запредѣлы подлунной жизни; — тогда Александръ, наслѣдуя Престолъ Своихъ Прародителей, возвелъ Супругу Свою на многотрудное поприще славы, на которомъ Она, исполненная всякихъ доблестей, съ равною славою творила подвиги, дѣйствительно необыкновенные!... Чувствительное сердце Ея, хранившее на себѣ отпечатокъ очаровательной нѣжности, стремилось токмо къ благодѣяніямъ народа и, свершая оныя, любило таиться во мракѣ неизвѣстности: но такова скромность Монархини Благотворительницы, Которая, веселясь въ тайнѣ успѣхомъ Своихъ дѣяній, чуждалась всякихъ похвалъ,—имѣла въ себѣ нѣчто отличительное и тѣмъ

самымъ для облагодѣтельствованныхъ Ею приносила одно добро; а для знавшихъ тайную руку, помогающую безпомощнымъ и утѣшавшую страждущихъ, безъ сомнѣнія, заключала большія прелести и могла казаться даже божественною. — Такимъ образомъ человѣчество, гонимое судьбою, находило вѣрный покровъ и защиту въ добродѣтельномъ сердцѣ Елисаветы; такимъ образомъ многія благотворительныя заведенія, Богу угодныя, всегда удостоивались милосердаго Ея Покровительства! Не было ни одного учрежденія въ Царствованіе Александра Благословеннаго, въ которомъ бы не участвовала Императрица Елисавета собственною Своею суммою; ни одного, въ которомъ бы не воспитывались на иждивеніи Ея пансіонеры; ни одинъ несчастный не лишался Ея вспомоществованія!

О, Матерь сиротъ! въ тебѣ отрады
Гонимый гнѣвною судьбой
Искалъ—не находилъ преграды
И не отверженъ былъ Тобой!...

Ты въ мірѣ жизнію благою
Для бѣдныхъ жизнь и свѣтъ была,
И Царственной Твоей рукою
Имъ сколько слезъ Ты отерла!...

Кораллова.

Что же могли чувствовать несчастные, если они случайно проникали тайну благотворительной Государыни? О, безъ сомнѣнія, нельзя найти достаточныхъ выраженій, нельзя въ точности описать на бумагѣ внутреннихъ ощущеній сердецъ Ихъ, полныхъ вѣчной признательности!... Единъ Богъ Сердцевѣдецъ, читая въ нихъ неизгладимыя черты благодарности за все то, что содѣлала Она страждущимъ и угнѣтеннымъ рокомъ, воздастъ Ей — воздастъ со вторицею!

Прочтемъ, что говоритъ Современная Исторія Свѣта при описаніи благотворныхъ дѣяній Императрицы Елисаветы. »*Чувствительные люди!* сказано тамъ *,

---

* *Историческій, Статистическій и Географическій журналъ.* 1826 года. Ч. I. стр. 245.

«чѣмъ мы прославимъ великодушницю Женщ, »изторгающую жертвы изъ челюстей ада?.. »Сердце, благотвореніями своими веселя- »щееся, не требуетъ похвалъ; оно, сотря- »сая съ себя земное, бренное, возносится »къ небесному, нетлѣнному! — а Благо- »твора (такъ называли Елисавету) *Велика »и по Себѣ; величественнѣе же по Ея цвѣ- »ковѣчившемуся Супругѣ, Коего правдо- »любцы всѣ согласно нарекли: »Да будетъ »выше славы Онъ!»*

Окружаемая достойнѣйшими людьми Двора Своего Супруга, Императрица Елисавета чрезъ нихъ изливала всѣ таковыя благодѣянія;—впрочемъ, можетъ быть, и многимъ приближеннымъ Ея неизвѣстны также были утаеваемые подвиги Ея Милосердія: но нѣтъ ничего скрытнаго отъ Бога. Если Великодушная Елисавета, почіющая нынѣ вмѣстѣ съ Августѣйшимъ Супругомъ Своимъ на лонѣ Милосердаго Создателя человѣковъ, при жизни Своей, скрывала отъ человѣчества подвиги благотворительности; то, безъ сомнѣнія, теперь тамъ,—предъ лицемъ Царя Царей, не можетъ утаиться въ оныхъ, а случай

и время откроютъ и намъ исторію Ея благодѣяній. Съ чувствомъ благоговѣнія, какъ подданные Ея Супруга, мы будемъ выслушивать ихъ и стараться передавать ихъ позднѣйшему потомству!...

Тебя ужь нѣтъ! — пріютъ осиротѣвшій
Сиротъ, Тобой спасенныхъ, омраченъ,
Тоской внезапною питомцъ рой смущенъ:
Оставилъ ихъ хранитель отлетѣвшій!....
Онъ съ ними, Ангелъ ихъ, на вѣки разлученъ.
О сколь ихъ искренни къ Творцу о Немъ моленья!...
Тебя ужъ нѣтъ, о Ангелъ примиренья —
Несчастныхъ съ ихъ гонящею судьбой!...
Кто проліетъ сердцамъ ихъ изцѣленье?...
Кто возвратитъ имъ жизнь спасительной рукой?...

Никоновъ.

Будучи Императрицею столь обширнѣйшаго, столь могущественнѣйшаго Государства, каково Россійское; раздѣляя престолъ со столь Великимъ и Знаменитымъ изъ Монарховъ, каковъ былъ Супругъ Ея, Александръ,—казалось, могла Она почитать себя совершенно счастливою и не желать ничего болѣе: но нѣтъ! въ сердцѣ чувствительной Монархини хра-

нилось тайное желаніе быть *матерью по природѣ!* Знаменитая добродѣтелями Императрица съ самаго даже прибытія Своего изъ Германіи въ Россію во времена Екатерины, какъ уже упомянулъ я, — оказавшая столько любви и милосердія подданнымъ Своего Супруга, содѣлавшаяся преданнѣйшею Дщерію Православной Греко-Россійской Церкви, Благодѣтельницею угнѣтенныхъ роковъ, спражду щихъ и безпомощныхъ, Покровительницею наукъ, подпорою искусствъ и художествъ,—безъ всякаго сомнѣнія, была всѣми почитаема Матерью нашего Отечества: но желаніе драгоцѣннѣйшее,—*доставить Наслѣдника Престолу Россійскому*, всегда занимало сердце Ея!... Два младенца, двѣ дщери, дарованныя нѣкогда Ей и Супругу Ея Богомъ, возродили въ ней счастливую надежду къ достиженію Своего желанія: но Предвѣчный Творецъ не соблаговолилъ въ Книгѣ Судебъ начертать сего достиженія. Увы! единородныя Царевны, въ самомъ раннемъ цвѣтѣ жизни, вскорѣ одна за другою преселились въ вѣчность, а желанное рожденіе Наслѣдника не сбылось и не сбывалось, къ

сожалѣнію Россіи... Въ таковомъ случаѣ горесть омрачила жизнь чувствительной Елисаветы.—Не преставая быть человѣколюбивою Матерью Россіи по Своему великодушію и милосердію, Она сокрушалась безпрестанно о томъ, что обожаемый Ею Супругъ Ея и Имперія, Имъ обладаемая, учинившаяся навсегда любимымъ Ею Государствомъ, не узрятъ въ Ней Матери желаннаго Сына, которой бы современемъ могъ унаслѣдовать доблести и славу Великаго Александра! Горестныя мысли сіи волновали Ея душу, сердце было не утѣшно....

Такъ, — время текло очень скоро и каждый день, стремившійся въ пучину вѣчности, уносилъ постепенно часть Ея здоровья. Гдѣ болѣзнь душевная, утаеваемая отъ всѣхъ съ постоянымъ терпѣніемъ, возрастаетъ съ лѣтами, — тамъ легко обнаруживается и болѣзнь тѣлесная. Это неоспоримо. Императрица Елисавета Алексѣевна тщетно скрывала горесть души Своей, тщетно таила сокрушеніе Своего сердца, — здоровье Ея, драгоцѣнное для блага Россіянъ, разстро-

илось; стараніа искуснѣйшихъ Медиковъ были безполезны. Они истощили искусство свое: но не приносили облегченія. *Единъ Богъ можетъ врачевать души!...*

Наконецъ настала година изпытанія, насталъ достопамятный въ Исторіи 1812 годъ. — Кровожадный *Наполеонъ*, въ гибельныхъ замыслахъ самовластительства, съ жадностію алча крови человѣчества, нагло, безъ всякаго предварительнаго объявленія войны, вторгся въ предѣлы Россіи; вспыхла смертоносная брань въ нашемъ Отечествѣ. — Православный Царь нашъ, Императоръ Александръ, подвизаемый правотою дѣла, собравъ ополченія вѣрноподданныхъ Россіянъ Своихъ, оставляетъ любимую Свою Супругу и стремится на срѣтеніе кичливаго завоевателя, дабы положить преграды Его честолюбію; видя опасность Отечества, забываетъ собственную Свою опасность и, неразлучный съ побѣдоносными арміями Своими, тщится прекратить пролитіе крови человѣковъ и показать наглому *Наполеону*, что обида, нанесенная Россіи, есть обида всей Европы!...

Въ таковыхъ обстоятельствахъ чувствительная Елисавета, уже разстроенная въ здоровьѣ Своемъ, не могла равнодушно переносить несчастія Отечества, опасную разлуку съ обожаемымъ Супругомъ, гибель вѣрныхъ Россіянъ.—Къ болѣзни Ея, тогда явной, присовокупилась еще новая. Надлежало прибѣгнуть къ средствамъ, могущимъ облегчить всю тягость Ея положенія и поддержать драгоцѣнное здравіе Ея, угасаемое подобно лампадѣ! — Наконецъ совѣты отличнѣйшихъ Медиковъ рѣшили выборъ таковыхъ средствъ и прибѣгли къ одному, именно, чтобы Государыня Императрица изволила для излѣченія Своего отправиться къ теплымъ водамъ въ *Баденъ*.—Великодушная Елисавета изъявила на то согласіе, охотно отправилась на Свою родину, гдѣ мало по малу укрѣплялось Ея здоровье и напослѣдокъ даже совершено поправилось.

Между тѣмъ война счастливо продолжалась въ нашемъ Отечествѣ, Французы изгнаны были за предѣлы Россіи, война заграничная была также удачна, *Наполе-*

оновы полчища разбиты и изтреблены, престолъ *Бурбоновъ* возстановленъ, перестала течь кровь человѣковъ и общій миръ возникъ въ Европѣ. — Украшенный безсмертными лаврами славы, Миротворецъ Александръ возвратился въ нѣдра Царственной Фамиліи Своей, возвратился къ обожаемой Супругѣ Своей, дабы, забывъ временную съ Нею, хотя довольно продолжительную для любви Ихъ, разлуку, никогда болѣе не разлучаться. — Можетъ быть, столь благопріятныя обстоятельства, какъ-то: счастливый конецъ войны съ двадцатью народами, блистательная слава Россіи и безсмертная слава Александра, Его благополучное возвращеніе, — имѣли великое вліяніе на поправленіе здоровья Императрицы Елисаветы Алексѣевны; также, можетъ быть, самая перемѣна климата, благоразтворенный воздухъ Ея родины и цѣлительная сила Баденскихъ минеральныхъ водъ къ тому много споспѣшествовали. — Какъ бы то ни было, Благотворительная Монархиня въ вожделѣнномъ здравіи изволила возвратиться въ Россію, гдѣ снова узрѣли

въ Ней *Матв-Покровительницу* несчастныхъ.

Такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ (менѣе однакожъ десяти) наслаждалась Елисавета благоденствіемъ здравой жизни, нѣсколько лѣтъ не чувствовала никакихъ знаковъ Своей болѣзни.—Она видѣла всеобщую радость подданныхъ отъ Ея возвращенія и токмо изрѣдка, казалось, въ тайнѣ предчувствовала, что счастіе Ея еще далеко отъ совершенства, ибо *здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ* — вотъ истинныя провозвѣстники счастія, какоымъ могутъ наслаждаться смертные въ подлунномъ мірѣ!....

Наступило время, которое случайнымъ мановеніемъ своимъ разрушило навсегда блистательную надежду Россіянъ — видѣть обожаемую Императрицу въ цвѣтущемъ здравіи. — Ужасное наводненіе несчастнаго С. Петербурга, случившееся 1824 года Ноября 7 дня, сильно подѣйствовало на чувствительную душу добродѣтельной Елисаветы.—Забывая опасность Своего собственнаго болѣзненнаго положенія, Она видѣла только опас-

ность жителей столицы Сѣвера; видѣла гибель ихъ, несчастныхъ осиротѣвшихъ, лишенныхъ всего имущества, даже насущнаго хлѣба, лишенныхъ прибѣжища и крова; Она видѣла бдительное попеченіе Августѣйшаго Супруга Своего въ ускореніи помощи, Который безъ свиты въ лодкѣ ежедневно посѣщалъ самыя глухія предмѣстія столицы въ жилища бѣдныхъ людей для личнаго удостовѣренія въ великости постигшаго ихъ бѣдствія и немедленнаго уврачеванія ранъ ихъ: но все сіе казалось Ей недостаточнымъ. Материнское сердце Ея не могло перенести равнодушно таковой гибели народа, Ею любимаго; душа Ея скорбѣла объ ихъ участи и—болѣзнь Ея возобновилась!....

Ты искушалась на земли,
Какъ искушаютъ злато;
Ты шла, завидѣвъ цѣль вдали,
И путь Твой кончанъ свято....
Какъ тихой Ангелъ—путь земной
Ты тихо проходила,
И тихо царственной стопой
Тяжелый путь свершила.—

Чувствительно тронутый до глубины сердца разстроеннымъ состояніемъ любимой Своей Супруги, Великодушный Александръ, Который со всею мудрою заботливостію пекся о сохраненіи Ея здравія,—наконецъ, не взирая ни на какія отвлекающія Его по дѣламъ Государства политическія обстоятельства, рѣшился посвятить труды Своихъ попеченій на облегченіе болѣзненнаго положенія Елисаветы.—Съ вящшимъ усердіемъ приступилъ Онъ къ избранію всевозможныхъ средствъ для поправленія здоровья Императрицы; безпрестанно совѣтуясь въ томъ съ искуснѣйшими Медиками Двора Своего, Онъ согласился наконецъ на ихъ совѣты, дабы вмѣстѣ съ изнеможенною Августѣйшею Супругою Своею оставить на нѣкоторое время Столицу Сѣвера и предпринять путешествіе въ Южныя края Россіи, избравъ въ оныхъ главнымъ для Нее мѣстопребываніемъ городъ *Таганрогъ*. Перемѣна климата и воякъ Императрицы Елисаветы въ Баденъ (стр. 11.), столь много соучаствовавшіе нѣкогда въ поправленіи Ея драгоцѣннаго здравія, были

побудительными источниками, на коихъ основали Медики свои предложенія къ путешествію въ *Таганрогъ*. Это было послѣднее средство, которое оставалось къ достиженію предполагаемой цѣли вояжа и которое, казалось, обнадеживало въ успѣхъ предпріятія онаго. Въ самомъ дѣлѣ путешествія имѣютъ большое вліяніе на здоровье страждущихъ горестными ощущеніями души и сердца. Не упоминая о счастливой перемѣнѣ климата, гораздо пріятнѣйшаго въ мѣстахъ, благоразтворенныхъ цѣлебною чистотою воздуха, скажу только, что различные виды, перемѣняющіеся на каждомъ шагу, подобно движущимся картинамъ, и очаровывающіе душу какимъ-то сладостнымъ впечатлѣніемъ;—прелесть вездѣ встрѣчаемой радости отъ гостепріимныхъ жителей, слишкомъ чувствительная для сердца; наконецъ добродушіе услужливаго народа, занимающее своею пріятностію наши чувства—все это невольно вдыхаетъ ощущеніе веселаго духа, непримѣтно разсѣеваетъ меланхолическую задумчивость и какъ бы очищаетъ воображе-

ніе отъ печальныхъ мыслей.—Сверхъ того, переносясь мысленно къ отправляющейся въ путь Императрицѣ Елисаветѣ, прибавьте ко всему сказанному мною выше неусыпное попеченіе о Ней много обожаемаго Ею Супруга Ея, соучастіе Его во всемъ касающемся до выгодъ Ея здоровья; тогда судите, какъ не полагать было, что предпріемлемое путешествіе будетъ имѣть счастливый конецъ и успѣшное изцѣленіе болѣзни Императрицы? Какъ не надѣяться было, что уврачеваніе Августѣйшей Супруги Александра исполнится и тѣмъ совершатся ожиданія Россіянъ?

Такимъ образомъ Императоръ Александръ объявилъ желаніе Свое выѣхать прежде Императрицы, дабы и въ продолженіи пути Самому заботиться на каждой станціи о доставленіи Государынѣ всего пріятнѣйшаго для Ея здоровья, всего удобнѣйшаго для Ея спокойствія и всего приличнѣйшаго для Ея болѣзненнаго состоянія. Назначенъ былъ день Его выѣзда *1-го числа Сентября,* а Императицы

спустя два дни, то есть: *Сентября 3-го дня.*

Наканунѣ отъѣзда своего Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна съ особеннымъ благоговѣніемъ изволила отслушать молебенъ въ Казанскомъ Соборѣ и, кажется, священные обряды Религіи, притомъ совершенные, сильно подѣйствовали на чувствительную душу Императрицы: ибо Самъ, Государь передъ отъѣздомъ Своимъ изъ С. Петербурга на другой день, отслужа молебенъ въ Александроневской Лаврѣ, сказалъ Митрополиту: »*Вчера Государыня Императрица Елисаве-*»*та Алексѣевна была въ Казанскомъ Соборѣ* »*и Ей теперь легче!*» И такъ Они отправились Одна за Другимъ.—Нужно ли подробно описывать сіе путешествіе и постепенно, какъ бы шагъ за шагомъ, слѣдовать въ описаніи за Августѣйшими Супругами?... Нѣтъ! это было бы излишне.—Я думаю, что читатели видѣли уже изъ различныхъ журналовъ и періодическихъ изданій ту мудрую заботливость Монарха, съ каковою Онъ осматривалъ на каждой станціи приготовляемыя квар-

ширы для слѣдующей за Нимъ Супруги Его; я думаю, они замѣтили, съ каковою благодарностію публично относился Онъ къ начальникамъ, будучи ими особенно доволенъ, за стараніе улучшивать дороги и квартиры для спокойствія Императрицы. Остается сказать мнѣ только то, что вояжъ Царственной Четы до *Таганрога* совершился скоро и благополучно.

Императоръ Александръ, прибывъ въ вожделѣнномъ здравіи *13-го числа Сентября въ Таганрогъ* прежде Государыни, обратилъ все Свое Монаршее вниманіе на пріуготовленіе для обожаемой Супруги Своей дворца со всѣми выгодами какъ для спокойствія, такъ и для облегченія болѣзненнаго Ея состоянія. *Сентября 23-го дня* Императрица приближилась къ *Таганрогу*. Государь встрѣтилъ Августѣйшую Путешественницу за одну станцію отъ города и вмѣстѣ съ Нею выѣхалъ въ городъ.

Позволятъ ли мнѣ присемъ упомянуть объ одномъ замѣчаніи, которое хотя само по себѣ не заключаетъ ничего удивительнаго, но для жителей *Та-*

Таганрогскихъ казалось необыкновеннымъ Государь Императоръ, по прибытіи Своемъ въ какой-либо городъ или Столицу, обыкновенно служилъ всегда молебенъ въ Соборныхъ церквахъ, въ знакъ благополучнаго окончанія пути или прибытія Своего въ вожделѣнномъ здравіи: но здѣсь было совсѣмъ иначе. Императоръ повелъ Супругу свою въ Александро-Невскій Іерусалимскій монастырь. Въ самомъ дѣлѣ съ перваго разу можно бы почесть обстоятельство сіе необыкновеннымъ; но если вникнуть въ побудительныя причины, заставившія внимательнаго Монарха къ таковой перемѣнѣ своего обыкновенія; то, безсомнѣнія, случай сей достоинъ всякаго уваженія. Соборная Церковь въ *Таганрогѣ* была холодна и довольно сыра. Опасаясь, чтобы сіи два предмѣта вліяніемъ своимъ на разстроенное здоровье Императрицы не причинили большаго Ей вреда, Великодушный Монархъ избралъ для отслуженія благодарственнаго молебна съ Супругою Своею означенный выше Александро-Невскій монастырь.

Вовсе продолженіе пребыванія Августѣйшей Супруги Благословеннаго Богомъ Александра въ *Таганрогѣ*, жители сего города съ чувствомъ, превышающимъ всякое чувство удивленія, всякое чувство чистосердечной признательности, пользовались дивною благотворительностію человѣколюбивой Монархини. Въ самыхъ даже прогулкахъ Своихъ Она старалась находить случай быть полезною для каждаго, которому только нужна была помощь Ея. Развлекаемая благодѣтельными Своими вспомоществованіями, приносившими Ей всегда неизъяснимое удовольствіе; оживляемая слезами радости благодарныхъ, Ею облагодѣтелствованныхъ; одушевляемая неусыпною заботливостію обожаемаго Супруга Ея; подкрѣпляемая вліяніемъ кроткаго климата,—Императрица Елисавета Алексѣевна мало по малучувствовала облегченіе своего болѣзненнаго состоянія. Здоровье Ея начало видимо поправляться и тѣмъ исполнило сердца вѣрныхъ Россіянъ радостію и надеждою. Но, увы! сіи обманчивыя чувствованія живой радости и сладостной надежды были —предтеча-

ми роковаго времени слезъ и всеобщаго сѣтованія!..

Государь Императоръ *11 числа Октября* изволилъ отправиться изъ *Таганрога*, чтобъ осмотрѣть города: *Ростовъ*, *Нахичевань*, *Новой и Старой Черкаскъ* и *Азовъ*; откуда чрезъ *Ростовъ* и *Нихичевань* возвратился *15 числа* благополучно. Наконецъ Ему угодно было осмотрѣть *Крымъ*; почему, выѣхавъ изъ *Таганрога 20 числа Октября* изволилъ предпринять путешествіе проселочною дорогою чрезъ *Молчанскія Колоніи*, въ *Симферополь* и южную часть *Крыма*. Тамъ Онъ сильно простудился, почувствовалъ припадокъ лихорадки и *5 числа Ноября* прибылъ обратно въ *Таганрогъ* съ разстроеннымъ уже здоровьемъ. Ему такъ было трудно, что на послѣдней станціи Онъ безпрестанно спрашивалъ:» *многоли осталось?*» приказывалъ ѣхать тише и дѣйствительно лошади почти едва двигались!

Всякому извѣстна была рѣдкая чувствительность Елисаветы и безпримѣрная, неизобразимая любовь къ Августѣйшему Ея Супругу. Пусть вообразятъ себѣ скорбь

сей нѣжной Супруги, когда Императоръ, одержимый болѣзнію, по различнымъ обстоятельствамъ опасною, ввезенъ былъ въ городъ! Можемъ ли мы, сообразивъ все, представить во всей точности положеніе Императрицы?.. Нѣтъ! ни краснорѣчивѣйшіе Ораторы, ни величайшіе въ свѣтѣ Поэты не имѣютъ достаточныхъ силъ выражать перомъ ощущеній чувствительнѣйшаго сердца, полнаго печели и неизразимой скорби... Душа Елисаветы раздиралась и, чуждая всѣхъ другихъ впечатлѣній, изнывала подъ тягостнымъ бременемъ страшной горести!..

Сомнительное состояніе Августѣйшаго Больнаго повергло въ уныніе всѣхъ Его окружавшихъ; цѣлый *Таганрогъ*, такъ сказать, въ оцепенѣніи отъ страха ужасной будущности, представлялъ печальную картину сѣтованія. Отворились храмы Божіи, воскурились жертвенники, вознеслись теплыя вѣрноподданныхъ молитвы ко Всевышнему о сохраненіи драгоцѣннѣйшаго здравія Монарха, всѣми любимаго, всѣми обожаемаго. Болѣзнь Александра, которую описывали желчною го-

рячкою, часто перемѣнялась и изъ мрачной горести ввергала какъ Императрицу, такъ всю свиту Императора и цѣлой городъ въ радость и надежду, а потомъ, скоро съ новою силою возобновлялась, умножая всеобщую скорбь, такъ, что припадки тяжкаго недуга съ 13, а особливо *съ 14 числа Ноября* были почти безпрерывны. Россія теряла въ Александрѣ I Отца-Благодѣтеля; но не могла остаться сиротою: надежда—и нетщетная—умаляла скорбь ея. А кроткая, милосердая Елизавета въ чемъ могла найти утѣшеніе?... Съ Супругомъ Своимъ Она теряла все въ мірѣ; всѣ радости изчезали для Нее съ часами жизни Его!.. Титло Императицы было для Нее значительнымъ при благополучной жизни обожаемаго Императора и сей неоцѣненный, милый Другъ Ея, сей любимый Императоръ лежалъ теперь при одрѣ смерти!.. При всемъ томъ въ надеждѣ на Милосердаго Творца Вселенной, съ чистою покорностію Вѣрѣ, Она, Незабвенная, еще находила въ себѣ неимовѣрную силу сохранять му-

жество, рѣдкое—весьма рѣдкое въ Ея полѣ!..

Во все продолженіе болѣзни Императора Александра, Августѣйшая Супруга ни день ни ночь не отходила отъ постели Его, пять сутокъ ничего не вкушала и изнурилась даже до того, что Медики начинали за Нее страшиться; даже до того, что Самъ Государь, изнеможенный, почти уже безчувственный, опамятовавшись замѣтилъ безпокойство Ея и, взявъ Ея руку, съ чувствомъ сжимая оную, умоляющимъ, для сердца слишкомъ трогательнымъ голосомъ, сказалъ Ей: »*Вы очень устали: прошу Васъ, успокойтесь!*» Превозмогая собственныя Свои страданія, силясь утаивать непомѣрную горесть скорбной души Своей, принимая видъ ложнаго спокойствія, несчастная Императрица съ необыкновенною твердостію духа присоединила убѣжденія Свои къ убѣжденіямъ окружавшихъ смертный одръ Высокаго Больнаго, чтобы Августѣйшій Супругъ Ея пріобщился Святыхъ Таинъ.—« *Развѣ я такъ боленъ?*»

спросилъ Онъ Ее.» *Нѣтъ, мой другъ!* отвѣчала кроткая Елизавета, *но Вы отвергли земныя средства: испытайте небесное!*» Государь согласился. По окончаніи священнодѣйственнаго обряда Причащенія Св. Таинъ, оборошясь къ Императрицѣ, съ видомъ довольства, сказалъ Онъ Ей:» *Я никогда не былъ въ столь утѣшительномъ положеніи, какъ теперь. Благодарю Васъ покорно!*»

Послѣ того болѣзнь Императора день отподня усиливалась и наконецъ—*19 Ноября* въ 10 часовъ 50 минутъ до полудня свершился ударъ—ударъ роковой смерти; Благословенный Александръ, къ неизразимой всеобщей горести, скончался на рукахъ обожаемой Своей Супруги!..

Какъ выразить то мгновеніе, когда пресѣклась жизнь нашего Монарха?.. Какова была скорбь Государыни? того изобразить ничто не въ состояніи. Необыкновенное усиліе, съ коимъ Императрица старалась перенесть сіе неизмѣримое бѣдствіе, по видимому, покрѣпило на время тѣлесную Ея слабость рѣшимостію великой души. Съ твердостію Героини

и благочестіемъ Праведницы перенесла Она ударъ сей—конецъ всѣмъ Ея надеждамъ и радостямъ, и картину будущей горести, могущей кончиться только съ Ея жизнію!..

Когда Императоръ сталъ кончаться и начали читать отходную, Елисавета все еще держала Его за руки; когда же испустилъ Онъ духъ Свой, то Она Сама закрыла глаза Его, перевязала платкомъ подбородокъ, сложила руки, поцѣловала, поклонилась и сказала:» *Прости, мой »другъ!*» потомъ оборотилась къ Образу, помолилась и пошла въ Свою половину.— Едва взошла къ Себѣ, зарыдала и дала полную волю теченію слезъ Своихъ; наконецъ, опомнившись вскорѣ, сказала: »*Господи! прости Моей слабости; Тебѣ »угодно было Меня лишить Его!*» — Ободрившись, приказала служить при тѣлѣ панихиду, взяла свѣчу и-не плакала: но скорбь ужасная была на лицѣ Ея!..

Вотъ письмо Елизаветы, писанное вскорѣ по кончинѣ незабвеннаго Монарха къ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодо-

ровнѣ. Прочтемъ сіи достопамятныя строки:

Maman!

»*Notre Ange est au Ciel et Moi Je végête* »*encore sur la terre!.. Qui auroit pensé, que* »*Moi, foible, malade, Je pourrois jamais* »*Lui survivre? - Maman! ne M'abandon-* »*nez pas: car Je suis absolument seule dans* »*ce monde de douleurs.*

Notre cher Defunt a repris l'air de bien- »*veillance; Son sourire M'éprouve, qu' Jl est* »*heureux et qu' Jl voit des choses, plus bel-* »*les, qu'ici bas. Ma seule consolation dans* »*cette perte irréparable—est que Je ne Lui sur-* »*vivrai pas; J'ai l'spérance de M'unir bientôtà* »*Lui—Adieu!..* *Elisabeh.*»

Это значитъ:» *Маминька! Нашъ Ангелъ* »*на Небесахъ, а Я еще живу на земль!.* »*Ктобы могъ подумать, чтобы Я, сла-* »*бая, больная, могла когда нибудь пере-* »*жить Его?.. Матушка! не оставляйте* »*Меня: ибо Я совершенно одна въ семъ* »*горестномъ мірѣ.*

» *Нашъ Любезной Усопшій воспринялъ* »*духъ кротости; улыбка Его доказы-*

»ваетъ мнѣ, что Онъ счастливъ и видитъ »тамъ гораздо лучшіе предмѣты, нежели »у насъ здѣсь. Единое утѣшеніе Мое въ невозвратной потерѣ сей есть то, что Я »не переживу Его; Я надѣюсь вскорѣ съ »Нимъ соединится. Прощайте!

Елизавета!»

Не видна ли въ семъ небольшомъ письмѣ ша неизмѣримая скорбь души и сердца, которая терзала Царственную страдалицу и которую еще хотѣла Она въ утѣшеніе скорбящей Матери покрыть завѣсою успокоенія?.. Твердое удостовѣреніе, что душа въ Бозѣ Почившаго получила достойную мзду на лонѣ Царя Царей, изображено было въ письмѣ не вишійственными, но рѣзкими чертами глубокаго чувства: *Ангелъ нашъ на Небесахъ!..*

При всей необыкновенной твердости, съ какóвою переносила чувствительная Елисавета въ душѣ своей жестокій ударъ внезапно постигшаго бѣдствія, физическія силы Ея не могли однакоже противиться дѣйствію онаго. Во все время пребыванія тѣла Покойнаго Государя въ

Таганрогѣ, не взирая на истощеніе силъ Своихъ, Императрица всегда присутствовала при Литургіяхъ и Панихидахъ объ Усопшемъ Монархъ, нерѣдко Одна, безъ свидѣтелей, приходила ко гробу, орошая хладные останки обожаемаго Супруга Своего чистосердечными слезами, а тѣмъ самымъ, кажется, еще болѣе предускоряла конецъ Свой.

Когда *Князь Волконскій*, на другой день по кончинѣ Александра, уговаривалъ Порфироносную Вдовицу выѣхать изъ Дворца и переѣхать въ частный домъ, гдѣ приготовлены уже Ей были покои, то Она отвѣчала ему:» Я *очень увѣрена, что »вы раздѣляете со Мною Мое несчастіе.— »Не чжели думаете вы, что одна Корона »привязывала Меня къ Моему мужу?.. »Прошу васъ не разлучать Меня съ Нимъ »дотолѣ, доколѣ будетъ возможность!*» Такимъ образомъ Она переѣхала въ приготовленныя для Нее комнаты уже на третій день.—Весьма ясно видно было, что съ нетерпѣніемъ ожидала Она той минуты, въ которую навсегда, переселясь въ вѣчность, соединится съ Сво-

имъ Супругомъ; ясно видно было, что съ душевною радостію смотрѣла Она на ежеминутно приближающуюся смерть Свою! Многократныя убѣжденія Ее окружавшихъ, усильныя старанія искуснѣйшихъ Медиковъ, не могли остановить быстраго Ея, такъ сказать, стремленія къ уклоненію за предѣлы земной жизни; душа Ея всегда стремилась къ жизни вѣчной, гдѣ ожидалъ Ее обожаемый Супругъ Ея!—

Такимъ образомъ протекали дни въ горестномъ ожиданіи новаго удара для Россіи! Все, что могли только замѣстить окружавшіе Августѣйшую Больную, Она неоднократно желала еще хотя разъ увидѣться съ Императорскою Фамиліею; неоднократно изъявляла непоколебимое и сильное стремленіе принять послѣднія лобзанія и благословеніе Матери въ Бозѣ Почивающаго Супруга Ея, Императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Таковыя внутреннія чувствованія добродѣтельной Монархини, Коей болѣзнь становилась опасною, требовали скорѣйшаго оныхъ исполненія.—Можетъ быть, Она Сама чувствовала

уже приближающійся конецъ Свой; можетъ быть, хотѣла въ послѣдній разъ увидѣть любимую Столицу, тусклыми мерцающими взорами взглянуть еще разъ на могилу усопшаго Друга, вздохнуть о Немъ послѣднимъ вздохомъ и—потомъ кончить жизнь въ глазахъ Царской Фамиліи!..

Итакъ всѣ мысли Больной Императрицы Елисаветы стремились всегда къ одной цѣли—желаемому свиданію съ любезными Ея сердцу!.. Чтобы достичь сего, Она увѣдомила о томъ Государыню Марію Ѳеодоровну, Которая изволила назначить мѣстомъ свиданія городъ *Калугу*.—Съ пламеннымъ чувствомъ какой-то упоительной надежды, съ непонятнымъ вдохновеніемъ радостнаго сердца, Страждущая Вдовица старалась ускорить сію сладостную минуту свиданія; а потому, невзирая на сильную жестокость Своей болѣзни, оставила Она *Таганрогъ*, имѣя впереди пріятную цѣль своихъ ожиданій.—Ахъ! уже близка Она была къ концу непреоборимаго желанія Своего; уже видѣла Она близкое исполненіе онаго: но

многопрудный путь, безпокойства съ нимъ сопряженныя и сильная горесть, снѣдавшая всю Ея внутренность, — произвели сильныя впечатлѣнія на разслабленные нервы Императрицы. Долговременная тѣлесная и душевная болѣзнь Ея обратилась наконецъ въ совершенное изтощеніе силъ, такъ, что Ея Величество должна была на пути Своемъ изъ *Таганрога* остановиться въ городѣ *Бѣлевѣ*, Тульской Губерніи. Она не могла уже далѣе слѣдовать; почему и посланъ былъ немедленно съ симъ извѣстіемъ нарочный курьеръ въ *Калугу* къ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, прибывшей уже въ сей городъ для встрѣчи Вдовствующей Своей Невѣстки.

Отправленный въ *Калугу* курьеръ не имѣлъ съ собою никакого письменнаго извѣстія. Это отъ того, что Императрица Елисавета Алексѣевна, при усилившейся болѣзни, была слишкомъ слаба и не могла уже писать Сама собственною Своею рукою. Что должна была чувствовать въ таковыхъ обстоятельствахъ Рос-

сія?.. Не успѣла еще совершенно зажить роковая рана сердце Ея, рана тяжкая, нанесенная кончиною Ея Благодѣтеля, какъ уже другая готовится разить ее! Та, на Которую всякъ взиралъ съ благоговѣніемъ, Которая содѣлала столько примѣровъ Своихъ добродѣтелей, Которая Царственною рукою Своею отирала слезы гонимыхъ судьбою и врачевала души угнѣтенныхъ рокомъ, Та Самая борется теперь съ мучительными страданіями тяжкаго недуга, похищавшаго послѣднюю Россіянъ надежду!... Но что можно сказать при семъ о горестномъ положеніи Императрицы Маріи Ѳеодоровны?.. Она тайно предчувствовала новую потерю, когда курьеръ явился изъ *Бѣлева*; мрачное предзнаменованіе раздирало Ея душу; скорбь и печаль омрачили Материнскую любовь Ея!.. Не медля ни мало, изволила Она отправиться въ *Бѣлевъ*; но—какой ударъ сердцу нѣжной Матери!.. Встрѣтившій Ее въ *Перемышлѣ* другой курьеръ донесъ Ей, что Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна уже скончалась!..

Кончина добродѣтельной Императрицы, достойной Супруги въ Бозѣ Почившаго Александра I послѣдовала въ городѣ *Бѣлевѣ* (Тульской Губерніи) 4 Мая въ 6 часовъ утра. Ея Величество Государыня Марія Ѳеодоровна изволила прибыть въ городъ *Белевъ* 6 числа Мая и отслушать въ домѣ Покойной Императрицы Панихиду, послѣ коей предприняла обратный путь въ *Москву*. И такъ *два дни* были неожиданнымъ препятствіемъ, которое не позволило или лучше не допустило двухъ Царственныхъ Вдовицъ, Матъ и Дочь, къ желанному свиданію!.. *29 Маія* тѣло покойной Императрицы со всѣми почестями, какія только могли требовать высокій санъ Ея и усердіе Россіянъ, сохраняющихъ въ памяти незабвенныя Ея добродѣтели, — отправилось изъ *Бѣлева* чрезъ *Калугу* на *Можайскъ* по предназначенному маршруту въ *С. Петербургъ*. *24 Мая* тѣло Императицы Елисаветы Алексѣевны встрѣтилъ Преосвященный Митрополитъ Московскій *Филаретъ* въ селѣ *Субботинѣ*, а на другой день въ тамошней церкви служилъ Панихиду и

заупокойную Обѣдню. Въ тотъ же день погребальная колесница съ тѣломъ препровождена была въ *Можайскъ* гдѣ ожидала оное уже Императрица Марія Ѳеодоровна. Многіе Московскіе жители разныхъ сословій съѣхались въ *Можайскъ* воздать послѣднее поклоненіе драгоцѣнному праху обожаемой Государыни.—

26 Мая. Въ Можайскомъ Николаевскомъ Соборѣ надъ тѣломъ Покойной, въ присутствіи Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, свиты Ея и многихъ знатныхъ особъ, совершена Преосвященнымъ *Филаретомъ* Панихида, заупокойная Обѣдня и произнесено онымъ надгробное слово.

Такимъ образомъ, по предназначенному маршруту, тѣло покойной Елисаветы везено было съ подобающею честію къ Столицѣ Сѣвера. На пути шествія при церквахъ Духовенство встрѣчало гробницу съ Хоругвями и Святыми Образами; священники осѣняли оную крестомъ и кропили свѣтою водою. Народъ съ чувствомъ благоговѣнія къ покойной Монархинѣ, сопровождалъ бренные остатки Ея

повсюду. Тѣло Государыни, также какъ и тѣло въ Бозѣ почившаго Супруга Ея, встрѣчено было въ *Тосно* и препровождено въ *Чесму*, откуда съ приличнымъ церемоніаломъ ввезено въ *С. Петербургъ* что и послѣдовало 14 числа Іюня, — гдѣ было поставлено въ Петро-Павловскомъ Соборѣ подъ вѣликолѣпнѣйшимъ катафалкомъ. Пока тѣло Императрицы пребывало въ Соборѣ, отправлялась вѣономъ, по распоряженію Митрополита, каждодневно Божественная Литургія, а Панихида два раза въ день, въ назначенныепо Высочайшему повелѣнію часы. На поклоненіе къ тѣлу допускаемы были люди всякаго званія, по распоряженію печальной Комиссіи, отъ 8 часовъ утра до 10часовъ вечера, изключая времяни Божественной Литургіи и отправленія Панихидъ.

О назначенномъ днѣ погребенія тѣла блаженной памяти Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны заблаговременно учинены были отъ печальной Комиссіи, чрезъ Полицію, по всему городу (С. П.) извѣщенія, а наканунѣ чрезъ Герольдовъ, съ обыкновенною церемоніею,

были читаны по всѣмъ частямъ города объявленія:» *что тѣло въ Бозѣ почивающей Государыни Императрицы погребено »будетъ въ Соборной церкви Петра и Павла »Іюня 21 числа.»*

Въ день погребенія, по утру въ 9 часовъ, данъ былъ съ С.Петербургской крѣпости сигналъ тремя пушечными выстрѣлами, по которому и сбирался въ Соборную церковь Петра и Павла Члены Св. Синода, Духовникъ Ея Величества покойной Императрицы Протоіерей *Федотовъ*, Придворные и прочее Духовенство, Члены Государственнаго Совѣта, Министры, Сенаторы, Военный Генералитетъ, Генералъ и Флигель-Адъютанты, Статсъ-Секретари и прочіе. По пріѣздѣ въ Соборъ Святѣйшаго Синода, Преосвященнымъ Митрополитомъ *Серафимомъ* отправлена Божественная Литургія. По прибытіи же въ Соборъ Государя Императора и Государыни Императрицы съ Августѣйшею Фамиліею, Преосвященный Митрополитъ съ прочими Членами Святѣйшаго Синода встрѣтилъ Ихъ Величества съ крестомъ и Святою водою;

а когда Ихъ Величества изволили сшать на Свои мѣста, тогда началось отпѣваніе тѣла вѣ Бозѣ почивающей Государыни Императрицы, по уставу Греко-Россійскія Восточныя церкви, съ подобающимъ Высокому Ея Императорскаго Величества сану обрядомъ. Послѣ сего, по отданіи послѣдняго поклоненія тѣлу блаженныя памяти Государыни отъ Высочайшихъ Особъ Императорской Фамиліи, назначенные Придворные чины взошли на катафалкъ; снявъ покровъ, который отнесли вѣ Олтарь, подняли гробъ и вѣ предшествіи Митрополита съ Духовенствомъ снесли оный къ устроенной вѣ томъ Соборѣ могилѣ, а по совершеніи отпуска, опустили вѣ оную. Вѣ сіе время отъ стоявшихъ вѣ строю войскъ учинился троекратный бѣглый ружейный огонь, а съ крѣпости и изъ всѣхъ бывшихъ вѣ строю орудій пушечная пальба.

Симъ заключился послѣдній отданный долгъ вѣ Бозѣ почивающей Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, Августѣйшей Супругѣ Незабвеннаго и вѣчн-

ныя памяти достойнаго Великаго Государя Императора Всероссійскаго Александра I. Залпъ орудій возвѣстилъ Столицѣ, что и послѣдняя земная честь воздана драгоцѣннымъ останкамъ обожаемой и всѣми благословляемой Императрицы. Но что видимое можетъ возвѣспѣть о той почести, которая принадлежала Ей не по сану Царскому, но по высокимъ, неподражаемымъ Ея добродѣтелямъ—милосердію, кротости и благотворенію? Что, вопрошаю, можетъ возвѣсшить о семъ?.. Слезы благодарности Ею облагодѣтельствованныхъ, слезы умиленія, соединенныя съ вѣчными молитвами о Душѣ Ея!..

И Высокая благостію души Елисавета вознеслась въ селенія небесныя, чтобъ воспріять тамъ вѣнецъ блистательнѣйшій, нежели тотъ, которымъ украшалась Она на землѣ. Почій въ мирѣ, Благотворительная Государыня, Мать скорбящихъ и удрученныхъ печалію!.. Тамъ,—на лонѣ Отца Милосердія; тамъ, гдѣ возсѣдаетъ Милость; тамъ — обрѣтешь Ты, Великая! по добродѣтелямъ

награду и праведное возмездіе за Твою доброту, благочестіе и благотворительность: тамъ исполнится единственное Твое желаніе, тамъ соединишься Ты съ Обожаемымъ Супругомъ Твоимъ и, какъ Подруга Его въ сей жизни, такъ и тамъ, обще съ Нимъ будешь надзирать за благосостояніемъ той Державы, гдѣ Ты царствовала и благотворила!.. Духъ Твой осѣнитъ нынѣ благополучно Царствующихъ и низведетъ какъ на Нихъ, такъ и на всю Россію, Тобою любимую, благословеніе Божіе!.. О, почій, Великая по Твоимъ добродѣтелямъ! на лонѣ Того, Коему съ вѣрою непреложною служила Ты извѣявленіемъ благотворительности страждущимъ. Почій, Почій, Елизавета, образъ кротости и милосердія!!!..

Отечество мое, Россія! прахъ священной
Сердечныя любви слезами орошай!..
Молись о Ней, молись о Незабвенной—
И память Ангела мольбой благословляй!..

В. Никоновъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

ДУХЪ

ВѢНЦЕНОСНЫХЪ СУПРУГОВЪ,

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВАЮЩИХЪ.

Часть Третія.

Отдѣленіе второе.

МОСКА.

Въ Типографіи Семена Селивановскаго.

1829.

281308

ДУХЪ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Корона на главѣ и въ сердцѣ добродѣтель! . . .
Душой плѣнялетъ умъ, умомъ душѣ мила,
Въ благошвореніяхъ Ей только Богъ Свидѣтель;
Хвалима.... но предъ Ней безмолвствуетъ хвала!..

Карамзинъ.

ДУХЪ
ВѢНЦЕНОСНЫХЪ СУПРУГОВЪ.

I.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, АЛЕКСАНДРУ I, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ, НА ВОШЕСТВІЕ ЕГО НА ПРЕСТОЛЪ.

Россіи Императоръ новый!
На тронѣ будь благословенъ.
Сердца пылать Тобой готовы,
Надеждой духъ нашъ оживленъ.
Такъ милыя весны явленье
Съ собой приноситъ намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы;
Сердца съ природой разцвѣшаютъ,
И плодъ во цвѣтѣ предвкушаютъ.
Весна у насъ, съ Тобою мы!...

Какъ Ангелъ Божій Ты сіяешь
И благостью и красотой,
И съ первымъ словомъ обѣщаешь
Екатерининъ вѣкъ златой,
Дни счастія, веселья, славы,
Когда премудрые уставы
Внутри хранили нашъ покой,
А внѣ Россію прославляли;
Граждане мирно засыпали,
И гражданинъ же былъ герой —

Когда Монаршими успѣхами
Вѣщала милость къ намъ одна,
И правила людей сердцами;
Когда и самая вина
Нерѣдко ею отпускалась,
И власть Монаршая казалась
Намъ властію любви одной.
Какое сердцу услажденье
Имѣть къ Царямъ повиновенье
Изъ благодарности святой!...

Се Твой обѣтъ, о Царь Державный,
Сильнѣйшій изъ Владыкъ земныхъ!
Ахъ! Россы вѣрностію славны
И Вѣнценосецъ святъ для нихъ.
Любимый и любви достойный,
На тронѣ Отческомъ спокойный,
Бреги Ты громы для враговъ,
Рази единое злодѣйство;
Россія есть Твое семейство:
Среди насъ Ты среди сыновъ. —

Воспитанникъ Екатерины!
Тебя Господь Россіи далъ.
Ты урну нашея судьбины
Для дѣлъ великихъ возпріялъ:
Еще ихъ много въ ней хранится,
И духъ мой сладко веселится,
Предвидя ихъ блестящій рядъ!
Сколь жребій Твой, Монархъ, отличенъ!
Предѣлъ добра неограниченъ;
Ты можешь все — еще Ты младъ!

Уже воинской нашей славы
Исполнѣнъ весь обширный свѣтъ ;
Предъ нами падали Державы :
Екатерининыхъ побѣдъ
Вѣнки и лавры не увянутъ ;
Потомство, вѣки не пресчанутъ
Ея Героевъ величать :
Румянцова искуснымъ , славнымъ ,
Суворова себѣ лишь равнымъ ;
Сражаться, было имъ — карать.

Давноль еще, о незабвенный
Суворовъ! съ горстію своихъ
На Альпы Марсомъ вознесенный ,
Бросалъ ты громъ съ вершины ихъ ,
Который, въ безднахъ раздаваясь
И горнымъ эхомъ повторяясь,
Гигантовъ дерзостныхъ разилъ? . . .
Ты богомъ ужаса являлся! . . .
Тебѣ миръ низкимъ показался ,
И ты на небо возпарилъ. —

Монархъ! довольно лавровъ славы,
Довольно ужасовъ войны! . . .
Бразды Россійскія Державы
Тебѣ для щастья вручены.
Ты будешъ Геніемъ покоя ;
Въ Тебѣ увидимъ мы Героя
Дѣлъ мирныхъ, правоты святой.
Возми—не мечь, — вѣсы Ѳемиды ,
И бѣдный, не страшась обиды ,
Найдетъ безъ злата вѣкъ златой.

Когда не всѣ законы ясны,
Ты намъ ихъ разумъ извясниш;
Когдаже въ смыслѣ не согласны,
Ты ихъ премудро согласишь.
Законъ быть долженъ какъ зерцало,
Гдѣбъ солнце истины сіяло
Безъ всякихъ мрачныхъ облаковъ.
Великъ, какъ Богъ, законодатель;
Онъ мирныхъ обществъ основатель
И благодѣтель всѣхъ вѣковъ.

Монархъ! еще другія славы
Достоинъ Твой пресвѣтлый тронъ:
Да царствуютъ благіе нравы!...
Примѣръ Двора для насъ законъ.
Развратъ, стыдомъ запечатлѣнный,
Въ чертогахъ у Царя презрѣнный,
Бываетъ нравовъ торжествомъ;
Царю придворный угождая
И добродѣтель обожая,
Для всѣхъ послужитъ образцомъ. —

Есть родъ людей, Царю опасный:
Ихъ рѣчи, какъ Идійскій медъ,
Улыбки милы и прекрасны;
По виду — ихъ добрѣе нѣтъ;
Они всегда хвалить готовы;
Всегда хвалы ихъ тонки, новы:
Имъ имя — хитрые льстецы;
Снаружи Ангеламъ подобны,
Но въ сердцѣ ядовиты, злобны,
И въ козняхъ адскихъ мудрецы.

Они отечества не знаютъ;
Они не любятъ и Царей,
Но быть любимцами желаютъ;
Корысть ихъ Богъ: лишь служатъ ей.
Имъ доступъ къ трону заградишь;
Твой слухъ во вѣкъ не обольстишься
Коварной, ложной ихъ хвалой. —
Ты будешь окруженъ друзьями,
Россіи лучшими сынами;
Отечество одно съ Тобой.

Довольно Патріотовъ вѣрныхъ,
Готовыхъ жизнь ему отдать,
Друзей добра нелицемѣрныхъ,
Могущихъ истинну сказать! ...
Унасъ *Пожарскіе* сіяли
И *Долгорукіе* дерзали —
Петру отъ сердца говорить;
Великій соглашался съ ними
И звалъ ихъ братьями Своими.
Монархъ! Ты будешь насъ любить!. ..

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья —
Наукой счастливъ человѣкъ.—
И блескомъ Твоего правленья
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.—
Се Музы, къ Трону приступая,
И черный крепъ съ себя снимая,
Твоей улыбки милой ждутъ!
Онѣ сердца людей смягчаютъ;
Онѣ жизнь нашу услаждаютъ
И добраго Царя поютъ! ...

Карамзинъ

II.

На торжественное Коронованіе Его Императорскаго Величества Александра I-го, Самодержца Всероссійскаго.

Il en est des grands Souverains comme des Dieux. Comblés de leurs bienfaits, nous n'avons pas pour eux des récompenses, mais nous avons des hymnes.

Thomas.

Россія! торжествуй со славой!
Се юный Царь, краса людей,
Пріялъ Вѣнецъ и Скиптръ съ Державой,
Чтобъ быть примѣромъ для Царей.
Возстань, ликуй, народъ великій!...
Блистай, веселіе сердецъ!...
Любовью отданъ сей Вѣнецъ. —
Гремите, радостные клики:
»Монархъ и подданный Его
»Въ душѣ желаютъ одного!» —

Сколь трудно править самовластно
И Небу лишь отчетъ давать!
Но сколь велико и прекрасно
Дѣлами Богу подражать!
Его велѣньямъ нѣтъ препоны;
Но Онъ творя благотворитъ. —

Онъ можетъ все,—но свято чтитъ
Егожъ Премудрости законы —
И Оебъ въ сіяніи своемъ
Течетъ всегда однимъ путемъ. —

Монархъ Россіи, полусвѣта!
Ты Самъ Себѣ въ добрѣ законъ.
Другой, въ Твои младыя лѣта
Возсѣвъ на велелѣпный тронъ,
Хотѣлъ бы роскоши цвѣтами
Свой путь блестящій устилать
И дни забавами считать;
Но Ты священными трудами
Какъ будто платишь намъ за власть;
Въ Тебѣ одна ко благу страсть. —

Короны блескомъ ослѣпленный
Другой въ подвластныхъ зритъ — *рабовъ*;
Но Ты, душою просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ;
Тебѣ одна любовь прелестна:
Но можно ли рабу любить?...
Ему ли благодарнымъ быть?...
Любовь со страхомъ несовмѣстна
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.

Сколь необузданность ужасна,
Сколь ты, свобода, намъ мила
И съ пользою Царей согласна;
Ты вѣчно славой ихъ была. —
Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,

Гдѣ добрый не боясь живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый!
Свобода мудрая свята,
Но *равенство* одна ечта. —

Пріятна зрѣнію картина
Различною игрой цвѣтовъ;
Для глазъ печальна та равнина,
Гдѣ нѣтъ ни рощей, ни холмовъ.
Сей дубъ, Природой вознесенный,
Для низкихъ древъ не есть ли щитъ?..
Пусть буря грозная свиститъ:
Миртъ слабый, дубомъ осѣненный,
Растетъ покойно и цвѣтетъ —
Такъ въ обществѣ народъ живетъ. —

Монархъ! Ты ясными чертами
Права гражданства раздѣлилъ,
И зрѣлой мудрости плодами
Утѣшилъ насъ и — удивилъ.
Ты краткимъ временемъ правленья
Умѣлъ сердца на вѣкъ плѣнить.
Уже спокойно можемъ жить
По волѣ рока, Провидѣнья, —
Невинныхъ радостей искать
И счастье въ мірѣ избирать!...

Покой — стихія человѣка:
И Ты успѣлъ намъ дать его!
Ахъ! многіе Цари, полвѣка
Владѣвъ не сдѣлали того. —

Ты дни дарами блага числишь,
Какъ древле мудрый *Антонинъ*;
Довольны всѣ—но Ты одинъ
Предъ образомъ Петровымъ мыслишь:
»*Монархъ, не совершивъ всего*,
»*Еще не сдѣлалъ ничего!*» (*)

О радость! о восторгъ!... читаю
Я таинство души Твоей,
И славу Россовъ созерцаю
Во глубинѣ грядущихъ дней!...
»Россія, міра половина,
Отъ вратъ зимы, Камчатскихъ льдовъ,
До красныхъ Невскихъ береговъ,
До странъ Колхиды и Эвксина,
Во всей обширности своей
Сіяетъ.... счастіемъ людей!

»Моря покрыты кораблями;
Флагъ Россовъ вѣетъ на кормахъ;
Сынъ Маннъ (**) нашими руками
Сбираетъ дань во всѣхъ странахъ.
Вездѣ прелестныя картины
Избытка, сельской красоты,
Невинной, милой простоты:
Цвѣтутъ съ улыбкою долины,
Блистаютъ классами поля —
Эдемомъ кажется земля!...

(*) Слова Петра Великаго.

(**) Богъ торговли.

Искуство украшаетъ грады;
Вездѣ съ богатствомъ видѣнъ вкусъ,
Вездѣ Аѳины — вертограды
Для Ѳеба и любезныхъ Музъ;
Вездѣ ихъ блескъ, очарованье,
Подъ кровомъ мирной тишины;
Врата темницъ отверены,
Въ судахъ глубокое молчанье,
И воинъ, опершись на щитъ,
Главу склонивъ, покойно спитъ.»

У насъ Астрея! восклицаю:
Или воскресъ Сатурновъ вѣкъ!...
Отвѣту Кліи (*) я внимаю:
»У васъ на тронѣ — человѣкъ!
»Премудрый Александръ, рожденный
»Въ Вѣнцѣ Отечеству служитъ,
»Въ сердцахъ и лѣтописяхъ житъ!
»Во дни Его благословенны
»Умомъ Россія возрасла,
»Въ добрѣ и нравахъ процвѣла.—

»Онъ зналъ, что Царское Правленье
»Есть царство свѣта, а не тьмы;
»Имѣлъ о нравахъ попеченье,
»Сіялъ какъ солнце на умы;
»Радѣлъ о благѣ воспитанья:
»Въ началѣ зло изкоренялъ;
»Училъ и рѣдко прибѣгалъ —
»Къ сѣкирѣ грозной наказанья;

(*) Муза Исторіи.

»Онъ зналъ обязанность Царей,
»Быть Провидѣніемъ людей ...

»Страна, окованная хладомъ,
»Гдѣ чуство, жизнь усыплены,
»Является прекраснымъ садомъ
»Отъ взора теплыя весны:
»Такъ все и самая Природа
»Въ той счастливой странѣ цвѣтетъ,
»Въ которой на Престолъ взойдетъ
»Избранный Мужъ, Отецъ народа! ...
»Воззри: сей велелѣпный храмъ
»Воздвигнутъ въ память всѣмъ вѣкамъ —

»Се храмъ Безсмертія и Славы!
»Тамъ вмѣстѣ съ Истиной святой
»Потомству я пишу уставы!
»Тиранамъ страшенъ свитокъ мой,
»Монархамъ добрымъ онъ любезенъ;
»Хвалю, кляну и — гласъ вѣковъ
»Есть звукъ моихъ священныхъ словъ!
»Мой судъ народамъ былъ полезенъ,
»Никто его не избѣжалъ;
»Онъ часто совѣсть возкрешалъ. —

»Тамъ — тамъ сіяютъ *Антонины*;
»Тамъ долженъ Александръ сіять —
»Между Петра, Екатерины,
»И тишло Мудраго пріять
»Въ залогъ безсмертія и славы!«
Да будетъ! ... О Монархъ сердецъ!
Россія, Царствъ земныхъ вѣнецъ, —

(Колоссъ почтенный, величавый!)
Да будетъ подъ Твоимъ жезломъ
Добра и счастія вѣнцомъ!...

И будетъ!—Медленно Природа
Готовитъ злато и сребро
Во глубинѣ земнаго свода:
Увы! зло легче, чѣмъ добро!
Исторія тому свидѣтель;
Но Ты Отечества Отецъ,
Для подданныхъ вторый Творецъ,
Съ Тобою Богъ и Добродѣтель:
Трудись!... давай уставы намъ,
И будешь *Первый* по дѣламъ!...

Монархъ! въ послѣдній разъ предъ Трономъ—
Дерзнулъ я съ лирою предстать;
Мнѣ сердце было Аполлономъ:
Люблю хвалить, но не ласкать;
Хвалилъ, гласъ общій повторяя. —
Другіе славные Пѣвцы
Отъ Музъ пріимутъ въ даръ вѣнцы,
Тебя безъ лести прославляя:
Я въ храмъ Исторіи (*) иду,
И тамъ.... дѣла Твои найду. —

Карамзинъ.

(*) Авторъ занимался Россійскою Исторіею.

Сокрылось нощи привидѣнье.
Се утро, жизни пробужденье! . . .
Се гласъ Природы и Творца:
»Уставовъ Я не премѣняю:
Не будутъ камнями сердца;
Безумства въ умъ не обращаю.
Злодѣй торжествовалъ: *гдѣ онъ?* . . .
Изчезъ какъ безобразный сонъ! «

О радость! Въ духѣ умиленный
И дѣломъ Бога возхищенный,
Паду, лью слёзы и молюсь! . . .
Отецъ!... пусть бури міръ волнуютъ!
Надъ ними Ты: не устрашусь!
И бури благость знаменуютъ,
Добро, любовь и стройный чинъ.
О! Ты великъ, великъ единъ!

Умолкло горести роптанье.
Минувшихъ золъ воспоминанье —
Уже есть благо для сердецъ. —
Изъ рукъ отчаянной Свободы
Пріявъ Властительскій вѣнецъ
Съ обѣтомъ усмирить народы
И воцарить съ собой законъ,
Сынъ хитрой лжи, *Наполеонъ*, —

Призракъ величія, Героя
Подъ лаврами духъ низскій кроя,
Возсѣлъ на тронъ — людей карать
И землю претворять въ могилу,
Слезами, кровью упучнять;
Въ законъ одну поставить силу;

Не славой, клятвою побѣдъ —
Наполнишь устрашенный свѣтъ.

И бысть! Упали Царства, троны.
Его ужасны легіоны —
Какъ огнь и бурный духъ текли
Подъ громомъ смерти, разрушенья,
Сквозь дымъ пылающей земли;
А *онъ* съ улыбкой наслажденья,
Сидя на грудѣ мертвыхъ тѣлъ,
Страданіе и гибель зрѣлъ. —

Ничто *Аттилы*, *Чингисъ-Ханы*,
Ничто *Батыи*, *Тамерланны*
Предъ *нимъ* въ свирѣпости своей. —
Они въ степяхъ образовались,
Среди рыкающихъ звѣрей,
И въ вѣки варварства являлись:
Сей лютый тигръ, не человѣкъ,
Явился въ просвѣщенный вѣкъ. —

Уже гордились мы наукой,
Ума плодомъ, добра порукой,
И славились искуствомъ жить;
Уже мы знали, что Владѣтель
Отцемъ людей обязанъ быть,
Любить не власть, но добродѣтель;
И что побѣдами славна
Лишь справедливая война. —

Сей извергъ, міру въ казнь рожденный,
Мечтою славы ослѣпленный,
Чтобъ быть безсмертнымъ, убивалъ!
Хотѣлъ *вселѣнныя Державы*:

Лишь небо Богу уступалъ; (*)
Топталъ святѣйшіе уставы;
Не скипетромъ правилъ, а мечёмъ,
И былъ—*державнымъ палачёмъ!...*

Въ чертогахъ, въ хижинахъ стенали;
Въ вѣнцахъ главы рабовъ сіяли:
Престолы сдѣлались стыдомъ.
Темнѣли разумъ, просвѣщенье,
Долгъ, совѣсть, честь казались сномъ.—
Слабѣла вѣра въ Провидѣнье:
»*Гдѣ Мститель? гдѣ любовь Отца?*»
Грубѣли чувства и сердца.—

Среди гробовъ, опустошенья,
Безмолвія, оцепенѣнья,
Съ кровавымъ, дерзостнымъ челомъ,
Насиліе торжествовало
И веселяся общимъ зломъ,
Себя хвалами величало,
Вѣщая:„ *властвуетъ Судьба!*
Она мнѣ служитъ какъ раба!»

Еще въ Европѣ отдаленной—
Одинъ народъ благословенной
Главы подъ иго не склонялъ;
Хранилъ въ душѣ простые нравы;
Въ войнахъ издревле побѣждалъ;
Давалъ инымъ странамъ уставы,
Но самъ жилъ только по *своимъ*,
Царя любилъ, Царемъ любимъ;

(*) На одной медали Наполеонова времени изображено Всевидящее Око съ надписью: *Тебѣ небо, мнѣ земля!*

Не славился богатствомъ знаній,
Ни хитростію мудрованій;
Умѣлъ наказывать враговъ,
Являясь въ дружествѣ правдивымъ;
Стоялъ за Русь, за прахъ отцовъ,
И былъ безъ горести счастливымъ;
Свободы ложной не искалъ;
Но всё имѣлъ, чего желалъ.

Уже Тиранъ свирѣпымъ окомъ,
Влекомый къ казни тайнымъ Рокомъ,
Измѣрилъ путь въ сію страну
И поднялъ для нее оковы;
Изрекъ погибель и войну.
Уже рабы его готовы —
Послѣднюю изъ жертвъ заклать
И—началась святая рать!—

Для насъ Святая!... Боже Мститель!
Се Ты злодѣйства Истребитель!
Се Ты на бурныхъ облакахъ,
Въ ударахъ молній палящей!
Ты въ сердцѣ Россовъ и въ устахъ,
Въ рукѣ за Вѣру, правду мстящей!
Кто Бога Воинствъ побѣдитъ?...
У насъ и мечь Его и щитъ!...

Тирану служатъ милліоны:
Героевъ Русскихъ легіоны
Идутъ алмазною стѣной;
А старцы, жены простираютъ
Десницу къ Вышнему съ мольбой;
Слезами Благость умиляютъ.

Вездѣ курится онміамъ:
Россія есть обширный храмъ.—

Лежатъ храбрѣйшіе рядами,
Поля усѣяны костями,
Все пламенемъ изтреблено.—
Не грады, только честь спасаемъ!...
О славное *Бородино*!—
Тебя потомству оставляемъ —
На память, что Россіи сынъ
Стоитъ противъ двоихъ одинъ! (*)

А ты, Державная Столица,
Градовъ Славянскихъ Мать—Царица,
Созданіе семи вѣковъ,
Гдѣ пышность, нѣга обитали,
Цвѣли богатства, плодъ трудовъ;
Гдѣ храмы лѣпотой сіяли,
И гдѣ покоился въ гробахъ—
Царей, Святыхъ нетлѣнный прахъ!

Москва! прощаемся съ тобою
И нашей собственной рукою
Тебя мы въ пепелъ обратимъ! (**)
Пылай: се пламя очищенья!
Мы землю съ небомъ примиримъ.
Ты жертва общаго спасенья!

(*) Увѣряютъ, что подъ Бородинымъ Французовъ было 180,000, а нашихъ 90,000, кромѣ Московскаго Ополченія, не бывшаго въ дѣлѣ. —

(**) Очевидцы разсказываютъ, что *Каретный* и *Москотильный* ряды зажжены рукою самихъ лавочниковъ, такжe и многіе домы хозяйскою рукою.

Въ твоихъ развалинахъ найдетъ —
Врагъ мира гробъ своихъ побѣдъ.—

Свершилось!.. Дымомъ омраченный,
Пустыней, пепломъ окруженный,
Узрѣлъ онъ гибель предъ собой. —
Бѣжитъ!...но Богъ съ *сѣдымъ Героемъ* (*)
Шлетъ казнь изъ тучи громовой:
Здѣсь воины блестящимъ строемъ,
Тамъ ужасы зимы и гладъ
Его встрѣчаютъ и мертвятъ.

Какъ въ безднахъ темной Адской сѣни
Толпятся осужденныхъ тѣни
Подъ свистомъ лютыхъ Эвменидъ:
Такъ сонмы спхъ *непобѣдимыхъ*,
Едва имѣя жизни видъ,
Въ страданіяхъ неизъяснимыхъ
Скитаются среди лѣсовъ;
Имъ пища лёдъ, имъ снѣгъ покровъ! —

Въ огонь ввергаются отъ хлада,
Себя терзаютъ въ мукахъ глада;
Полмертвый мертваго грызетъ.
Стадами птицы плотоядны
Летятъ за ними съ крикомъ въ слѣдъ;
За ними звѣри кровожадны,
Разинувъ челюсти, бѣгутъ
И члены падающихъ рвутъ.—

(*) Генералъ-Фельдмаршаломъ Княземъ—Кутузовымъ Смоленскимъ.

О жертвы хищнаго злодѣйства!
Вы были радостью семейства,
Имѣли ближнихъ и друзей:
Почто вы гибели искали —
Въ дали полунощныхъ степей?
Мы вашей крови не жадали;
Но кто оковы намъ несетъ,
Умремъ или — онъ самъ падетъ!...

Гдѣ ваши легіоны Страха?...
Лежатъ безмолвно въ нѣдрахъ праха;
Осталась память ихъ одна
И вѣтры пепелъ развѣваютъ. —
Се ваши громы, знамена:
Младенцы ими здѣсь играютъ. —
Свободны мы, но въ рабствѣ міръ:
Еще тирановъ цѣлъ кумиръ, —

Еще Европа въ изумленьѣ.
Но скоро общее волненье
Вселяетъ мужество въ сердца. —
Гласятъ: « *и мы хотимъ свободы*,
»*И нашимъ бѣдствіямъ конца!*»
Подвиглись троны и народы;
Другъ съ друга въ гнѣвѣ цѣпи рвутъ
И съ яростью на брань текутъ. —

О, диво! зрѣлище святое!...
Кто въ шумномъ, благолѣпномъ строѣ,
Вѣнчанный лаврами побѣдъ,
Съ лицемъ умильнымъ и смиреннымъ
Народы къ торжеству ведетъ,
И перстомъ, къ Небу обращеннымъ,

Имъ нажетъ Бога вышнихъ силъ,
Съ Кѣмъ Онъ уже враговъ сразилъ?...

Россіи Царь благочестивый,
Герой въ душѣ миролюбивый!
Онъ долго брани не хотѣлъ;
Спасалъ отъ бурь Свою Державу:
Отецъ чадъ подданныхъ жалѣлъ
И ненавидѣлъ крови славу;
Когдажъ мечь правды обнажилъ,
Рекъ: *съ нами Богъ!* и—побѣдилъ!

Вотще злодѣй окровавленный,
Какъ вепрь до сердца уязвленный,
Осташокъ собираетъ жертвъ
Коварства, люта́го обмана:
У нихъ мечи, но духъ ихъ мертвъ:
Идутъ сражаться за Тирана!
И съ кѣмъ? Съ любовью къ Олтарямъ,
Къ свободѣ, къ истиннымъ Царямъ!...

Ничто всѣ хитрости искуства
Противъ восторга, правды чувства. —
Толпы Героевъ и Вождей
Война народная рождаетъ,
И первый изъ земныхъ Царей
Собою имъ примѣръ являетъ. —
Россія! не страшись: надъ Нимъ —
Господь благій съ щитомъ Своимъ!

Днемъ въ полѣ, нощію не дремлетъ:
Совѣтамъ прозорливыхъ внемлетъ,
Всѣ думы Александръ рѣшитъ;
Предвидитъ замыслы лукавыхъ;

Союзъ отъ зависти хранитъ;
Стыдя виновныхъ, хвалитъ правыхъ
И слабымъ мужество даетъ. —
Онъ силенъ: въ немъ коварства нѣтъ!

Стократно въ битвахъ одоленный,
Изсохшихъ лавровъ обнаженный,
Ознаменованный стыдомъ,
Тиранъ перунъ угасшій мещетъ —
И се послѣдній грянулъ громъ,
И новый Вавилонъ трепещетъ!...
Колоссъ *Наполеонъ* падетъ —
Къ ногамъ Царей: свободенъ свѣтъ!

Земли подвиглось основанье!
Гремитъ народовъ возклицанье:
Онъ палъ! Онъ палъ! Кипятъ сердца,
Къ надеждамъ счастья оживаютъ.
Какъ дѣти одного Отца,
Всѣ, всѣ другъ друга обнимаютъ....
Онъ палъ! въ восторгѣ цѣлый свѣтъ!
Народы братья! злобы нѣтъ!...

Въ семъ общемъ, радостномъ волненьѣ,
Царей, Героевъ прославленьѣ,
Чье Имя первое въ устахъ?...
Кому гремятъ Вселенной лики?
Безъ лести, въ искреннихъ хвалахъ
Даютъ названіе: *Великій?*...
Отечество мое, ликуй
И съ Александромъ торжествуй!
Отверзлися врата эѳира
И Духи выспренняго міра

Парили надъ главой Твоей,
Помазанникъ, Сосудъ Избранный
Ко избавленію людей,
Монархъ Россіею вѣнчанный,
Но данный Богомъ всѣмъ странамъ,
Языкамъ, будущимъ вѣкамъ;

Когда врагамъ, уже смиреннымъ,
Твоею славой удивленнымъ,
Вѣщалъ Ты въ благости: *миръ вамъ!*
Когда съ любовью возхищенной,
Дошолъ чуждой ихъ сердцамъ,
Онъ въ сей часъ благословенной,
Внимая Ангельскую рѣчь,
Лобзали Твой побѣдный мечь;

Когда, ихъ чувствомъ умиленный,
Оливой, пальмой осѣненный,
Среди народа и Вождей,
На мѣстѣ обагренномъ кровью
Невиннѣйшаго изъ Царей,
Ты съ чистой вѣрою, любовью, —
Молясь, колѣна преклонилъ
И Бога гнѣва укротилъ; (*)

Когда, злодѣями гонимый,
Но втайнѣ добрыми любимый,
Святаго *Людовика* сынъ,
Несчастіемъ сопровожденный
Отъ цвѣта жизни до сѣдинъ,
На тронъ Тобою возведенный,

(*) Читатели помнятъ о семъ умилительномъ священнодѣйствіи на мѣстѣ, гдѣ варвары убили Людовика XVI.

Тебя съ слезами обнималъ
И Сыномъ Неба называлъ!

Вѣщайте лѣтописи славы!
Какихъ вѣковъ, какой Державы
Монархъ столь блага совершилъ?...
Ищу.... закройтесь: нѣтъ примѣра!
Къ Величію подвигнутъ былъ
Онъ вами, добродѣтель, Вѣра!
На Бога твердо уповалъ
И выше всѣхъ Героевъ сталъ. —

Россіи слава, Царствъ спасенье,
Наукъ, торговли оживленье,
Союзъ Властей, — покой, досугъ,
Уму и сердцу вожделѣнный:
О! сколько, сколько счастья вдругъ!
Какъ міръ, грозою потрясенный,
Въ разрывѣ смертоносныхъ тучъ
Съ любовью видитъ солнца лучъ:

Такъ всѣ мы тишину встрѣчаемъ,
Привѣтствуемъ душой, ласкаемъ —
Изгнанницу столь многихъ лѣтъ!
Забудемъ зло, но разсуждая. —
Насъ опытъ къ Мудрости ведетъ:
Изъ глубины вѣковъ блистая,
Какъ ясная умовъ заря,
Сія другиня Олтаря —
Къ намъ нынѣ руку простираетъ, —
Страстямъ велитъ молчать, — вѣщаетъ:
Цари, народы! благо вамъ,
Десницей Вышняго спасеннымъ!

Но клятва будущимъ войнамъ,
Безумцамъ, славой обольщеннымъ!
Великъ Отецъ и другъ людей,
Не геній зла, не мужъ кровей.

»Кто слѣдомъ Галліи Тирана,
Путемъ насилія, обмана,
Для Ада радостныхъ побѣдъ,
Еще къ безсмертью устремится?...
Стократъ онъ прежде смерть найдетъ,
Чѣмъ съ Нимъ побѣдами сравнится —
И сей *Наполеонъ* въ пыли;
Живетъ теперь въ позорѣ земли:»

«Несчастный пьётъ стыда отраву!
Цари! *всемірную Державу*
Оставьте Богу одному!
Залогъ вамъ Небомъ порученный
Должны вы возвратить Ему,
Не кровью слабыхъ обагренный
Для умноженья областей,
Но съ мирнымъ счастіемъ людей. —»

»Не для войны живетъ Властитель:
Онъ мира, цѣлости хранитель.—
Пусть каждый собственность блюдетъ
И чуждаго да не коснется!
Тогда спокоенъ будетъ свѣтъ. —
У дикихъ кровь рѣкою льется:
Тамъ воинъ — первый человѣкъ;
Но вѣкъ ума гражданскій вѣкъ.—»

»Судить, давать, блюсти законы,
Съ мечемъ въ рукѣ—для обороны

»Отъ чуждыхъ и своихъ враговъ,
Есть дѣло вышней Царской власти.—
Не будетъ праздныхъ вамъ часовъ,
Пока, увы! пылаютъ страсти.
Любите знаній тихій свѣтъ:
Отъ нихъ—*Наполеона* нѣтъ! (*)»

»Народы! власти покоряйтесь;
Свободой ложной не прельщайтесь:
Она—*призракъ страстей обманъ*!
Вы зрѣли Галловъ заблужденье:
И своевольство и Тиранъ
Отмстили имъ за возмущенье
Противъ законнаго Царя,
Уставовъ древнихъ, Олтаря. —

»Питайте въ сердцѣ добродѣтель:
Тогда не будетъ вашъ Владѣтель
Святыхъ законовъ попирать.—
Ко злому только зло влечётся:
Благимъ и Царь есть благодать!
Господь Небесъ о всѣхъ печётся,
И червь Его рукой хранимъ;
Надъ вами Царь, а Богъ надъ Нимъ!»

»Въ правленьяхъ *новое* опасно,
А безначаліе ужасно:—
Какъ трудно общество создать!
Оно устроилось вѣками:
Гораздо легче разрушать

(*) Еслибы *Наполеонъ* злодѣйствовалъ не въ просвѣщенныя, а въ варварскія времена, то онъ могъ бы умереть въ величіи.—

Безумцу сѣ дерзкими руками.—
Не вымышляйте новыхъ бѣдъ:
Въ семъ мірѣ совершенства нѣтъ!..»

»Цари да будутъ справедливы,
Народы вѣрностью счастливы!..
Не искушайте никогда
Всевышняго въ долготерпѣньѣ:
Спасаетъ Богъ, но не всегда!»
Рекла и—міръ въ благоговѣньѣ;
Умолкла—но ея совѣтъ
Есть гласъ ума въ дѣяньяхъ лѣтъ.—

Изчезните, примѣры злые!
Теките счастья дни златые
Для всѣхъ народовъ и Царей!
А ты, нашъ Царь благословенный,
Спѣши, спѣши къ странѣ Своей,
Побѣдой славой упруженный!
Вездѣ Ты искренно хваленъ,
А здѣсь и славимъ и любимъ.—

Тебя какъ солнца ждемъ душею!
Ахъ! благодарностью своею
Достойны мы *Твоими* быть!
Гряди съ геройскими полками,
Которыхъ память будетъ жить
Во вѣкъ съ чудесными дѣлами!
Россійскихъ древнихъ царствъ глава,
Сѣдая въ доблести *Москва*—

Съ себя прахъ смерти отрясаетъ;
Развалины свои вѣнчаетъ

Цвѣтами юныя весны.—
Не бойся мрачныхъ лицъ, стенаній:
Печали всѣ погребены.—
Услышишь громы восклицаній:
»*Для счастья нашего живи!*«
Узришь одинъ восторгъ любви.—

Карамзинъ.

IV.

ЭЛЕГИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ

НА КОНЧИНУ

ГОСУДАРЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Скончался Царь нашъ! Царь нашъ живъ!...

Еще не умолкалъ веселья шумный кликъ
Въ Столицѣ, счастливой подъ сѣнью благотворной,
На пиршествахъ гремѣлъ Царю хвалебныйликъ
Признательныхъ сердецъ любови непритворной:
А Онъ—виновникъ нашихъ благъ,
Въ тотъ часъ, на дальнихъ берегахъ,
Боролся съ смертію, подъ бременемъ недуга!..
Въ близи, въ безмолвьи и слезахъ,
Порфироносная Супруга
Прощаяся съ земнымъ Царемъ,
Царю небесному молилася о Немъ...
И тихо все окрестъ!... Царица встрепенулась!..
Бьетъ часъ ужасной, роковой!..
Сверкаетъ смерть губительной косой—
Сразила!... и сама надъ жертвой содрогнулась!...
Освободитель царствъ, Поборникъ правъ святыхъ,
Законовъ Стражъ, народовъ Благодѣтель—
Почилъ... и тяжкой вопль народовъ и чужихъ
Ихъ непритворныхъ чувствъ немолчный вѣкъ свидѣтель!..

Почилъ!.. И слухъ правдивъ, и нетревожный сонъ
Насъ хладнымъ ужасомъ до сердца поражаетъ:
Нѣтъ! всѣ концы земли Россіи внемлютъ стонъ,
И цѣлый міръ рыдаетъ. —
И Тотъ, Кто бодрственный, незримо осѣненъ
Щитомъ Всесильнаго, сражалъ враговъ закона,
Побѣдой искупилъ Царей постыдный плѣнъ
И сшеръ гордыни горъ съ чела *Наполеона*;
Кшо славой принесенъ Лютеціи къ стѣнамъ,
Не жаждалъ мщенія, не требовалъ кумира,
Но проповѣдывалъ Евангеліе мира,
Прося своимъ врагамъ!...
Кшо, истребивъ въ сердцахъ всѣ плевелы раздора,
Въ нихъ добродѣтелей посѣялъ сѣмена,
И обновленныя возкресли племена,
Забывъ дни бѣдствій, дни позора....
Кто Самъ, бывъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Надеждой долгихъ лѣтъ льстилъ родинѣ священной,
Какъ крошкій лучь блеснулъ и—нѣтъ
Спасителя Вселенной!—
А Ты, о Ангелъ во плоти!
О Добродѣтель безъ примѣра!
Елисавета! Ты не смѣла отойти
Отъ Праха милаго! Твой вздохъ сказалъ: *прости!*
Все упованіе, вся Вѣра—
Съ небесной въ сердцѣ тишиной,
Безтрепетной рукой
Супругу очи Ты почившему смѣжила,
И твердостью души высокой изумила!..

Но сколь нестройныхъ струнъ
Теперь ничтожны звуки!..

Съ Азовскихъ береговъ прерывистый перунъ
Твердитъ о горести сыновъ съ Отцемъ разлуки!..
Во гробъ Александръ! и сиротствуемъ мы!...
Народы всѣ въ слезахъ! и нѣтъ Его возврата!
Сіяетъ солнце намъ—но не разсѣетъ тьмы;
Уныньемъ насъ мрачитъ внезапная ушрата!..
Благословенный Царь! Какъ родинѣ святой,
Такъ и странамъ чужимъ служа благотвореньемъ,
Ты вшелъ въ лики Праведныхъ сердечной добротой.

И тамъ стяжалъ вѣнецъ смиреньемъ!.
О тѣнь священная! прости

Безвѣстному нѣвцу сей скорби изліянье:
Не разъ онъ пѣлъ Тебя, какъ славы на пути,
Великій! Ты внималъ всѣхъ Царствъ рукоплесканье!..
Безсиленъ гласъ его!—Но лучшая хвала—
Европъ славный миръ дарованный Тобою!..
Пусть общей Матерью Ты будешь скрыта землею:

Но живы вѣки—Твои дѣла!.

И отъ Азовскихъ странъ до береговъ Балтійскихъ,
Отъ Европейскихъ странъ Россіи до Азійскихъ,

Во всѣхъ сердцахъ одинъ отзывъ:
Скончался Царь нашъ! Царь нашъ живъ!...

Д. Глѣбовъ.

V.

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ.

Гдѣ Царь, гдѣ Сынъ, Супругъ,
Несчастныхъ щитъ и Другъ,
Могучій Князь и Христіянинъ,
Герой, въ Порфирѣ Россіянинъ?..
Гдѣ Ты, о Рыцарь нашихъ лѣтъ?..
Явись!... Твой видъ насъ оживляетъ:
Краса души въ Тебѣ сіяетъ,
А честь Твоя какъ свѣтъ—
На доблестномъ челѣ блистаетъ.—
Глядишь—душа въ Твоихъ очахъ,
Рѣчешь—душа въ Твоихъ словахъ!—
Братъ ратникамъ и Вождь любимый,
Посредникъ праведный, на Тронѣ человѣкъ,
Гряди въ Москву! Ея шы столпъ и сила.
Она Европѣ возгласила,
Что вѣкъ твой, Россамъ славы вѣкъ!..
Гдѣ Ты, Отечества сынъ милый?..
Гдѣ Ты?.... Но съ Юга звукъ унылый—
Донесъ дошелъ....Ужъ нѣтъ Его!..
Несетъ народъ Монарха своего,
Несетъ....Куда?—Въ гробницу...
О Боже!... Но устамъ закона Твоего—
Велишь хвалишь разящую Десницу..
Онъ тамъ, гдѣ времени конецъ,
Гдѣ злобѣ бурь мірскихъ предвѣчная преграда.
На что Ему здѣсь бренная корона?..
Безсмертному—безсмертный и вѣнецъ!..

Кн. Зенаида Волконская.

VI.

ЭЛЕГІЯ
НА КОНЧИНУ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Не стало Генія Вселенной,
Державшаго въ рукѣ Своей,
Самимъ Творцемъ благословенной,
Судьбу народовъ и Царей. —
И содрогнулася Вселенна,
Событьемъ страшнымъ пораженна! . . .
»*Кто будетъ твердымъ мнѣ щитомъ* —
»*Въ годинѣ бѣдствій, злоключнній?*» —
И съ воплемъ симъ она кругомъ
Бросаетъ взоръ недоумѣній:
»*Ужели* Александра *нѣтъ?* . . .
Ужели чтимый цѣлымъ свѣтомъ,
Владѣвшій всѣхъ любви обѣтомъ,
Оставилъ столь внезапно свѣтъ?. —

Ахъ! что же чувствуемъ мы, чада —
Боготворимаго Отца? . . .
Онъ нашихъ дней былъ жизнь, отрада;
Имъ разцвѣтали въ насъ сердца! . . .
Но покоримся Провидѣнью; —
Оно награду шлетъ смиренью!...
И Тотъ, Кто солнце засвѣтилъ,
Уже душъ нашихъ мракъ глубокій
Звѣздою яркой озарилъ. . . .
И духомъ помысловъ высокій,
Возсѣлъ на Александровъ Тронъ —

Нашъ НИКОЛАЙ, рожденный къ славѣ!...
И святъ душѣ Его законъ —
Далъ благоденствіе Державѣ. —
А Ты, Великая Жена!...
Принять послѣдній вздохъ Супруга
Была Ты Небомъ призвана —
И взоръ смѣнивъ на вѣки Друга,
Царя, Владыки Своего,
Ты удалилась отъ Него,
Порфирородная Вдовица! —
Идетъ въ пустыняхъ бытія!...
Но, неоравненная Царица,
Душа небесная Твоя —
Найдетъ къ отрадѣ милліоновъ,
Въ ихъ горькихъ пламенныхъ слезахъ
И въ отголоскахъ скорби, стоновъ,
Найдешь еще....Въ какихъ словахъ
Дерзнутъ печальной грустной Музѣ —
Объ утѣшеніи вѣщать?... (*)
Ахъ, только въ общемъ душъ союзѣ
Мы можемъ къ Небу обращать
Сердца съ мольбой и упованьемъ,
Да нашу Царственную Мать
Искупитъ мы своимъ страданьемъ!...

Князь Шаликовъ.

(*) Писано до кончины Ея Императорскаго Величества

VII.

На кончину
ГОСУДАРЯ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Рифея недрb, величье скалb,
Облекшій тѣнію стремнины!...
Судьбой низверженный, Ты палb!...
Ты палb и— дротнули долины. —
Низверженb Исполинb во прахb,
Кого и бури не сражали,
Вb чьихb необъемлемыхb вѣтьяхb
Орлы пріютb свой обрѣтали;
На помb всѣхb ранѣе пылалb
Денницы лучь, и до полночи
Кто вb блескѣ Запада сіялb,
И веселя сердца и очи,
Покровb потомству обѣщалb. —
Степаетb мірb — Того нестало,
Кто мощной дланію Своей
Спасалb народы и Царей:
Его сразило смерти жало;
Сразило вb цвѣтѣ славныхb дней!...
Недвижимb, блѣденb, бездыханной!
Уже хладb гроба очи сжалb,
И надb главой Его вѣчанной
Лучь новой жизни возсіялb. —
Россія, плачь!... Гдѣ благодатный
Твой кротkій Ангелb, лучь сердецb?...

Гдѣ скрылся ликъ Его отрадный?...
Гдѣ Царь Отечества Отецъ? ...
Благословенный Ангелъ мира!...
Ты улетѣлъ въ страну Небесъ!...
Не зримъ благихъ Твоихъ очесъ;
Не грѣетъ насъ Твоя Порфира,
И кротким маніемъ жезла
Ты скорби тучь не разгоняешь—
Съ сердецъ и нащего чела;
Но Ты невидимо летаешь,
Животворишь Твоихъ сыновъ,
Вѣщаешь,, *Русь не сиротѣетъ,*
Противникъ міра не посмѣетъ
Возстать на край моихъ Отцовъ,
На Нелъ Спасителя покровъ !

Илья Ободовскій.

VIII.

НА КОНЧИНУ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО.

Унылый съ Юга гулъ раздался,
Полсвѣта грозно поразилъ,
Въ сердцахъ Россіянъ отозвался
И—всѣ народы прослезилъ....
Ахъ! Александръ, Отецъ Россіи, —
Ужь мертвъ!... и все предъ Нимъ мертво!..
Въ Самодержавной Монархіи
Всѣ чтили Ангеломъ Его!...
Увы! смерть льдистою рукою —
Его съ лица земли взяла,
Подсѣкши роковой косою:
Но святыя всѣ Его дѣла!...
Надъ славною Его могилой —
Безсмертья лучь уже блеститъ,
Который доблестью счастливой
Съ хвалой потомство озаритъ!...
Забудемъ ли, Монархъ почивый!...
Какъ Ты великодушенъ былъ? —
Какъ Ты, Отечествомъ любимый,
Свое Отечество любилъ? —
Какъ въ роковой годъ испытанья —
Кичливыхъ замысловъ войны —
Являлъ души очарованья,
Въ бояхъ непобѣдимый Ты!
Теперь, — нашъ Ангелъ незабвенный!...

Ужь Ты живешь на Небесахъ
И, блескомъ славы озаренный,
Ты святъ сердцамъ въ Твоихъ дѣлахъ!...
Воззри оттоль на край Россіи,
Ей счастья въ мірѣ умоляй;
Моли, чтобъ времена златыя —
Стяжалъ Преемникъ НИКОЛАЙ!...

Михайло Тельцовъ.

IX.

ЭКСПРОМПТЪ

ПРИ ГРОБѢ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Кому воздвигнутъ сей богатый мавзолей?..
Чей прахъ скрывается подъ мраморною доскою?..
Зрю надпись: *лучшій изъ Царей—*
«Лежитъ здѣсь подъ землею!»
Такъ—такъ, Онъ лучшій былъ въ Европѣ изъ Царей,
Великій Александръ, Защитникъ многихъ Троновъ,
Затьмившій славою Своей —
Бичь зла *Наполеоновъ!..*
Законовъ вѣрный стражъ, Блюститель правоты
И добродѣтельный Спаситель полвселенной,
Почилъ, Мужъ дивной доброты!
Почилъ, нашъ Незабвенной!..
Витай, безсмертна тѣнь безсмертнаго Царя!
Въ блестящихъ призракахъ надъ нами;
Вищай, любовію горя,
Россіи надъ сынами!..

Василій Добрынинъ.

X.

НА КОНЧИНУ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Россія! гдѣ твой Царь, гдѣ Ангелъ твой хранитель,
Примѣръ Героямъ всѣмъ высокою душой?..
Европа! гдѣ твой Избавитель,
Которому гремишь безсмертною хвалой?—
О Матерь! гдѣ Твой Сынъ, опора, утѣшенье?
Супруга скорбная! гдѣ нѣжный Твой Супругъ?.
О Братья! гдѣ Вашъ лучшій Другъ?...
Во гробѣ Онъ!...Судьбы опредѣленье,
Чтобъ Александръ, Отечества Отецъ,
Сложивъ земной,—принялъ на Небесахъ вѣнецъ!
Давно ль цвѣтущихъ лѣтъ съ здоровьемъ неизмѣнным,
Онъ страждущихъ рукой Державной подкрѣплялъ,
И каждый подданный предъ алтаремъ священнымъ—
Свою Судьбу благословлялъ?..
Такъ солнце Русское на вѣки закатилось,
Оставя намъ свой благодатный слѣдъ,
Что НИКОЛАЙ на Тронъ *Романовыхъ* взойдетъ!..

А. Про.....

XI.

ЭКСПРОМТЪ

ПРИ ВЗГЛЯДѢ НА БЮСТЪ

ГОСУДАРЯ АЛЕКСАНДРА I.

Вошѣ Онъ, Россіи честь и слава, даръ Небесъ,
Великій Александръ, полночный Геркулесъ!
Не мира древняго надмѣнный Повелитель,
Но кротвій счастія народнаго Зиждитель!...
Восточный Александръ Державы разрушалъ,
А *Сѣверный* — Царямъ Престолы возвращалъ;
Восточный былъ бичемъ и ужасомъ Вселенной,
А *Сѣверный*—щитомъ Европы, Имъ спасенной;
Къ *Восточному* вражду питали *Бактра*, *Тиръ*,
А *Сѣвернаго* — весь благословляетъ міръ.—
Гдѣ Ты, Отечества Отецъ чадолюбивый,
Премудрый, доблестный, и щедрый, и правдивый,—
Возстановитель Царствъ, Поборникъ алтарей,
Блюститель истины, защитникъ, другъ людей?
Гдѣ Ангелъ кротости?..Слѣды—увы—могила!
Во гробѣ плоть,—душа на Небо воспарила.—
Но смерть, не торжествуй!.. Не все ты отняла:
Живутъ для насъ Царя бесмертныя дѣла,
Скорѣе лезвіе косы твоей изгложешь,
Чѣмъ ихъ изъ памяти людей изгладить можешь!...

Ав. Мартыновъ.

XII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ:

Плачь Россіянъ надъ гробомъ

АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО.

Какое бѣдствіе, неустрашимый Россъ,
Твой добрый духъ смятеніемъ обвяло!
Повѣдай, укажи источникъ горькихъ слезъ,
И подыми сей тайны покрывало!
Ужель забылъ, кто тамъ, съ Престольной высоты,
Твою судьбу и радость назидаетъ,
И сыплетъ на тебя веселія цвѣты?
Тамъ Александръ, твой Геній возсѣдаетъ!
Лучь милосердія горитъ въ Его очахъ.
Оливою и лавромъ осѣненный,
Съ привѣтной кротостью, съ улыбкой на устахъ,
Гѣкой щедроты льетъ Благословенный! —
Вотъ *двадесять пять лѣтъ* въ величьѣ протекло,
Какъ Россовъ Онъ блаженство сохраняетъ,
И здравіемъ Его цвѣтущее чело
Намъ вѣкъ еще ту радость обѣщаетъ!...
Готовьте юбилей, вы, Сѣвера сыны!
Завидуютъ Вселенной вамъ народы;
Блестящей славою для васъ озарены
Грядущаго блаженнѣйшіе годы.—
Спѣшите жъ изъ оливъ и лавровъ плесть вѣнецъ,
И воздвигать тріумфы предъ Столицей:
Уже отъ Южныхъ странъ летитъ къ вамъ Царь Отецъ,
Съ возпреснувшей для новыхъ благъ Царицей,

Дни свѣтлой радости за ними въ слѣдъ.... Но, ахъ!...
Вѣсть грозная, какъ громъ, вдругъ раздается:
Осиротѣли мы!... Нашъ Ангелъ въ Небесахъ!
И скорби стонъ по стогнамъ вдаль несется,
И ужасъ оковалъ безтрепетны сердца,
И общій вопль Столицу оглашаетъ, —
Какъ будто нѣжнаго и добраго Отца
Изъ рукъ дѣтей могила похищаетъ! —
О тѣнь священная! Съ лазоревыхъ высотъ,
По волнѣ Ты, какъ лебедь величавый,
Течешь къ Всевышнему Подателю щедротъ
Пріять вѣнецъ безсмертія и славы!...
Склони свой тихій взоръ на насъ, Твоихъ дѣтей;
Узри сиротъ прискорбное смятенье,
И за любовь Твою, за счастье нашихъ дней,
Въ потокахъ слезъ прочти благодаренье. —
Но мы ль одни Твоей кончиной сражены? —
Россія ли одна въ сей часъ страдаетъ?...
Ты былъ Блюстителемъ всеобщей тишины,
И по Тебѣ Европа вся рыдаетъ.—
Сей общій скорби гласъ, есть гимнъ хвалебный Твой
Въ послѣдній день сей вопль Тебя разбудитъ,
И на Судѣ Судовъ, предъ благостью святой,
Онъ за Тебя предстательствовать будетъ.—
Когда цѣпями намъ грозилъ надмѣнный Галлъ,
Ты былъ нашъ Вождь, и Ангелъ нашъ Хранитель,
Безтрепетно къ нему на битву Ты предсталъ —
И палъ во прахъ покоя нарушитель! —
И чѣмъ же Ты врагамъ покоя отомстилъ?...
Чѣмъ наказалъ ихъ замыслы коварны? . .
Царя законнаго, миръ, счастье возвратилъ,

И взялъ съ нихъ въ даньслезы благодарны.
Давно ль угрюмый *Бельтъ* на пагубныхъ волнахъ
Въ *Петрополь* внесъ печаль и разоренье?...
Съ сердечной скорбію, съ слезами на очахъ
Явился Ты, какъ Ангелъ, въ ушѣшенье....
Ты далъ убогимъ кровъ, сталъ спротамъ отцомъ,
И облегчилъ ихъ скорбь отрады силой,
И тризну соверша почившимъ сномъ,
Какъ нѣжный братъ, рыдалъ надъ ихъ могилой!
А ты, украшенный Природой, *Таганрогъ!*
О памятникъ, прискорбью обреченный!...
Въ слезахъ тоски ты взялъ послѣдній тихій вздохъ,
Съ которымъ отлетѣлъ Благословенный, —
Улыбка кротости, отрадная для насъ,
Съ устъ Ангела Россіи низлетала,
И на челѣ Его въ ужасный смертный часъ,
Въ залогъ спокойствія души, сіяла. —
Ты зрѣлъ въ сей часъ, въ лучахъ красуяся златыхъ,
Какъ Небеса торжественны казались,
И воспаряющей въ сонмъ Ангеловъ святыхъ
Его душѣ привѣтно улыбались.
Нева, узрѣвшая на Небеса полётъ—
Того, чей ликъ стократно отражая,
Въ тоскѣ, въ послѣднее всплеснувъ струями водъ,
Ледовъ хладное надѣла покрывало. (*)
Но на кого, о дщерь рожденная землёй,
Возносишь ты свой рапортъ дерзновенной?...
Златое солнце Онъ на тверди голубой
Свѣтильникомъ возжегъ своей Вселенной...

(*) Рѣка *Нева* начала покрываться льдомъ съ 19 на 20 Ноября.

На горнихъ Небесахъ Онъ въ славѣ возсѣдитъ
И шаръ земный подножіемъ имѣетъ;
По манію Его и міра ось дрожитъ,
И тихнетъ громъ, и время цѣпенѣетъ!..
Престань, твореніе, испытывать Творца
И требовать въ путяхъ Его отчёта! . . .
Любимый Сынъ Небесъ въ объятіяхъ Отца,
И непостижна намъ Его щедрота.
Россія! Твой удѣлъ-скорбь въ сердцѣ погребсти,
Благоговѣть съ покорнымъ упованьемъ,
Безъ ропота Его правдивый гнѣвъ нести,
И ждать въ смиреніи конца страданьямъ!...
Но до конца ли Онъ прогнѣвался на насъ?...
Нашъ Александръ, въ отчизну воспаряя,
Намъ указалъ уже отраду въ скорбный часъ
Во образѣ священномъ НИКОЛАЯ. —
И нынъ за ночью въ слѣдъ румяная заря
На небо день величественный вводитъ:
Гласъ Александра Имъ избраннаго Царя
На спрошѣющій Престолъ возводитъ. —
Съ примѣрной кротостью, Царь мудрый скиптръ пріялъ
И оправдалъ *Великаго* избранье;
Къ Престолу на пути самъ Богъ Ему послалъ
Жестокое для сердца испытанье. —
Лесть—гидра мятежа, хребетъ извивши свой,
Подъялася предъ образомъ *Петровымъ*:
Достойный Внукъ Его, поправъ ее пятой,
Явилъ Себя Архистратигомъ новымъ.
Щадя враговъ Своихъ и ослѣпленныхъ, Онъ —
Романовыхъ явилъ всю доблесть рода,
И новой силою вооруживъ законъ,
Онъ оградилъ спокойствіе народа. —

Онъ возвратилъ собой утраченна Отца ;
И мудростью сопровождая милость,
Отрадой оживилъ прискорбныя сердца
И въ радость претворилъ сыновъ унылость.
О Россы! Не прошелъ еще вашъ вѣкъ златой!
Еще хранитъ Десница васъ святая:
Вашъ кроткій Александръ возкресъ Своей душой
Въ величіи геройскомъ ПИКОЛАЯ.
Пресшанемъ слезы лить и поспѣшимъ во храмъ
Царю Царей принесть благодаренье,
И воскурить предъ Нимъ сердечный ѳиміамъ,
Да ниспошлетъ Царю благословенье! . . .

Павелъ Терлевъ.

XIII.

На кончину

АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО.

Закатилось солнце красное,
Согрѣвавшее святую Русь;
Закатился свѣтлый мѣсяцъ нашъ,
Освѣщавшій поднебесную:
Насъ оставилъ Православный Царь,
Насъ покинулъ Государь-Отецъ!
Не за рѣки и не за моря
Улетѣлъ отъ насъ ясенъ соколъ;
Не враговъ карать Отечества,
Не друзей искать Отечеству:
Улетѣлъ — въ страну небесную!..
О закатѣ солнца краснаго,
Озакатѣ свѣтла мѣсяца,
Объ отлетѣ ясна сокола,
Извѣщенная святая Русь,
Свѣта Божія невзвидѣла;
Роковая вѣсть ужасная,
Оковала души Русскія:
Опустились руки храбрыя,
Подкосились ноги быстрыя. —
Всѣ сердца у Русскихъ замерли. —
Мы не ждали, мы не думали,
Чтобъ на насъ такъ Небо грянуло:
Мы горѣли упованіемъ,
Что во славѣ и красѣ своей

Скоро съ Юга на край Сѣвера
Обратитъ свое теченіе
Наше солнце ненаглядное!
Мы готовили вѣнки Ему;
Мы хотѣли славить гимнами
Александра несравненнаго!...

Государь! Отецъ Отечества!
Ты за что на насъ прогнѣвался?...
Государь — натъ, солнце красное!...
Что ты скоро закатилося?...
Или думалъ, что любви Твоей
Больше мы уже не стоили?...
Или думалъ, что къ лучамъ Твоимъ
Наши души стали холодны?...
Но и варвары къ любви Твоей,
И злодѣи къ Твоей благости
Были нѣжны и чувствительны!
За Тебя и непріятели,
И друзья, и вся Вселенная,
Всѣ — любили насъ и славили!...

Нѣтъ, не ты на насъ прогнѣвался!
Вѣрно Бога мы прогнѣвали,
Что лишилъ насъ солнца краснаго,
Взявъ Тебя въ страну небесную?...
Вѣрно мы Тебя не стоили,
Что, предавшись нѣгѣ, роскоши,
Позабыли Вѣру Праотцевъ?...
Ты одинъ стоялъ недремленно
На Господней стражѣ день и ночь;
И сложивъ вѣнецъ съ порфирою,

Ты одинъ за насъ забошлся!
Ты одинъ и въ лѣтни жарки дни,
И въ осенніе, и въ зимніе
Обтекалъ свою любезну Русь,
Будто солнце подиебесную!...
Ты одинъ лишь не жалѣлъ себя
Для покоя, счастья нашего!...

Можноль было намъ предчувствовать,
Что внезапно Ты покинешь насъ?...
Не пустили бъ мы изъ глазъ Тебя;
Окружили бы мы домъ Царевъ,
И стѣною — не гранитною,
Но изъ насъ самихъ сложенною —
Заградили бъ Твое шествіе,
Вмѣсто хлѣба сталибъ пепелъ ѣсть,
Со слезами сталибъ воду пить,
И молитвами сердечными
О Твоемъ безцѣнномъ здравіи
Оглушили бы небесный сводъ.
Но – Ты вѣрно самъ предчувствовалъ!
Оставляя Градъ Великаго,
Посѣтилъ Ты въ нощь глубокую
Гробъ Святаго сопменнаго,
Александра, Князя Невскаго;
Ты принесъ Ему въ послѣдній разъ
Ѳиміамъ и жертву чистую!
Государь! Отецъ Отечества!
Если Бога мы прогнѣвали:
То ужели и божественныхъ
Нашихъ Матерей Отечества

Небомъ всѣ обѣты презрѣны? . . .
Не ужель и ихъ чистѣйшихъ душъ
Всѣ моленія отвержены
Предъ Престоломъ Всемогущаго? . . .
Но Судьбы Его невѣдомы ! . . .

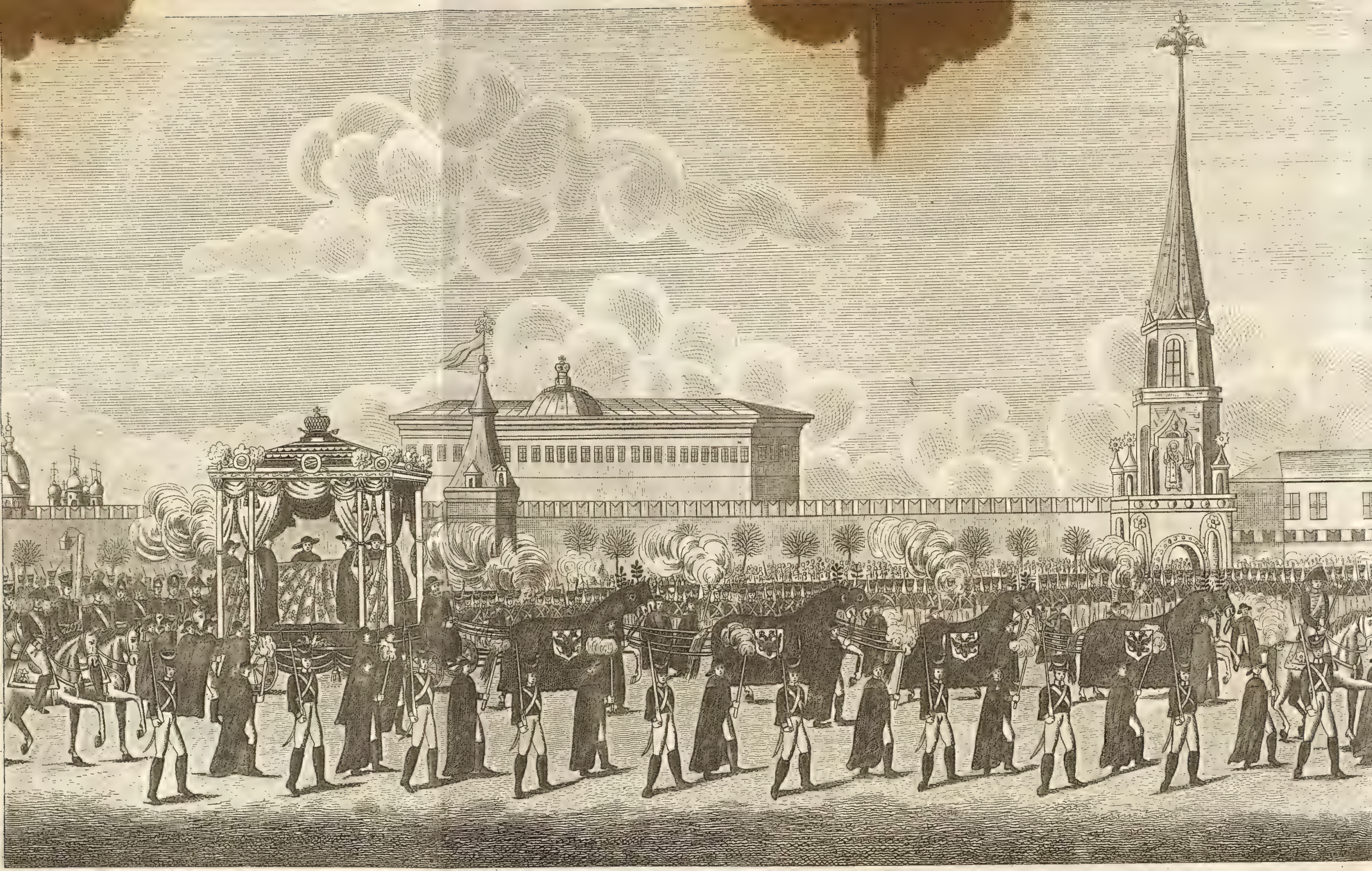
Духъ блаженный, небожительный !
Не забудь Свою святую Русь !
Славы силою небесною
Осѣняй Престолъ Державнаго ,
НИКОЛАЯ Всероссійскаго !
Ниспосли съ высотъ превыспреннихъ
Миръ, отраду , утѣшеніе
Спротѣ Твоей божественной ,
И Твоей вѣнчанной Матери !
Прилети къ нимъ въ сновидѣніи ,
И съ улыбкой тихой, райскою ,
Съ лучезарнымъ ликомъ Ангельскимъ ,
Попроси Ихъ, чтобъ утѣшились ,
И свое безцѣнно здравіе
Сохранили для Отечества !

Мы же, Твой для насъ священный прахъ
Предавая гробу хладному ,
Общей матери—сырой землѣ ,
Оживимъ Тебя въ сердцахъ своихъ :
Не забудемъ вѣкъ Великаго ,
Миротворца, утѣшителя ,
Славу и красу Царей —
Александра благодатнаго ,
Тишломъ и дѣлами Перваго.
Ты же, солнце наше новое ,

НИКОЛАЙ, намъ Богомъ данный Царь!
Будь Ты нашимъ утѣшителемъ,
Нашимъ Ангеломъ-хранителемъ!
Мы во хладѣ горя замерли:
Обогрѣй насъ, солнце новое!
Оживи насъ, солнце красное!

Знаемъ, что и Ты нерадостенъ:
Свѣтлый ликъ Твой омраченъ тоской
Отъ потери невозвратныя
Друга, Брата, Благодѣтеля;
Знаемъ, что Тебя не радуютъ
Ни Корона, ни Престолъ, ни Скипетръ
Въ свѣтѣ первыя Имперіи:
Но воззри на слезы горькія
Сѣтующаго Отечества!
Будь его красой, утѣхою!
Таже кровь въ Тебѣ священная,
Тотъ же духъ любви и благости,
Коимъ нѣкогда плѣнялися —
Въ Александрѣ Россы славные,
Нынѣ—лишь Тобой счастливые!

И. Вѣтринскій.



ВИДЪ ПЕЧАЛЬНОЙ КОЛЕСНИЦЫ ВЕЗОМОЙ ТѢЛО ВЪ БОЗѢ ПОЧИВАЮЩАГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

Съ дозв. Ценз. Комит. [illegible] года Мая 2 дня. [illegible]

XIV.

НА СЛУЧАЙ ПЕЧАЛЬНАГО ШЕСТВІЯ,

сопровождавшаго тѣло покойнаго

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Iго.

Куда, Владыка полвселенны?...
Куда, о сильный Вождь Царей?
Зрю: движешь рати ополченны;
Зрю славы спутниковъ Твоей.

Но что!... Полки Твои печальны,
И въ громахъ, вѣстникахъ побѣдъ,
Отзывы стонутъ погребальны,
И въ пѣсняхъ торжества ужъ нѣтъ!

Что зрю!... Несутъ доспѣхъ Героя!
Се долу преклоненный мечъ,
Се щитъ Его, залогъ покоя, —
И шлемъ, рѣшитель грозныхъ сѣчь.

Ведутъ коня: онъ томнымъ окомъ
Глядитъ на прахъ своихъ копытъ;
Идетъ въ унынiи глубокомъ,
И гриву по песку влачитъ. —

Гдѣ всадникъ, гдѣ громометатель,
Душой и шѣломъ Исполинъ,
Дружинамъ къ славѣ указатель,
Земли и рока Властелинъ?...

Се — онъ простертъ на колесницѣ!
Се тотъ, Кто честь народовъ спасъ!

Ни скипетра, ни меча въ деснице,
Уста безмолвны, взоръ угасъ!...

Давноль уста сіи вѣщали
Небесный судъ концамъ земли,
И взоры то въ бояхъ сверкали,
То въ плѣнъ сердца къ Нему влекли?...

Давноль громилъ Онъ буйны Царства,
Гордыню кротостью смирялъ;
И узы хитраго коварства
Единымъ словомъ разрывалъ?...

Давноль примѣромъ и дѣлами
Онъ исправлялъ развратный вѣкъ,
И падшимъ предъ Его стопами
Онъ говорилъ: *я человѣкъ!*...

Ты правъ, Возстановитель троновъ,
Народовъ другъ, примѣръ Владыкъ,
Отецъ спасенныхъ милліоновъ!
Ты правъ: *лишь Богъ одинъ Великъ!* (*)

Н. Иванчинъ Писаревъ.

(*) Во многихъ манифестахъ, Приказахъ по арміи и въ Указѣ на прошеніе Св. Синода, Государственнаго Совѣта и Сената покойный Императоръ старался отклонить народъ Свой отъ намѣренія назвать Его *Великимъ* и часто употреблялъ сіе выраженіе. —

XV.

СТИХИ.

НА

КОНЧИНУ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВАЮЩЕЙ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

И Ты нашъ Ангелъ, въ небесахъ! . . .
Еще Россія, вся въ слезахъ,
Глубокой скорби не забывала,
Утраты милаго свѣтила —
И снова рокъ насъ поразилъ ! . . .
Иль Ангелъ — другъ Твой незабвенной,
Въ странѣ безсмертія блаженной,
Царица! по Тебѣ взгрустнулъ ? . . .
Или любовь къ Нему святая
Тебя на небо увлекла,
И безъ Него здѣсь жизнь земная
Тебѣ ужь стала не мила? . . .
Свершилъ Господь Твое желанье,
Души твоей моленья внялъ ;
На наше не воззрѣлъ рыданье,
Съ тобою радость нашу взялъ....
О! Мать сиротъ! въ Тебѣ отрады
Гонимый гнѣвною судьбой
Искалъ — не находилъ преграды
И не отверженъ былъ Тобой ! . . .
Ты въ мірѣ жизнію благою
Для бѣдныхъ жизнь и свѣтъ была,

И Царственной Твоей рукою
Имъ сколько слезъ Ты отерла!...
Но Ты, оставя жизнь земную,
Въ страну безсмертія спѣшишь,
Къ Царю—Супругу Ты летишь
Въ страну для Ангеловъ родную —
И Твой невозвратимъ полетъ.—
Скажижь, при Ангельскомъ лобзаньѣ,
Съ Нимъ, незабвенная, въ свиданьѣ,
Отцу Отечества въ привѣтъ:
(Склони безсмертный взоръ Твой долу:
Въ Твоей Россіи свѣтлы дни;
Тамъ слезы радости одни;
Въ народѣ тажъ любовь къ Престолу:
И на Престолѣ — тажъ любовь,
И счастье всѣмъ — Петрова кровь!«—)

К. Коралловъ.

XVI.

ЭКСПРОМТЪ

по случаю кончины Государыни Императрицы

ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Тебя ужь нѣтъ, Елисавета!...
Судьбой гонимыхъ Мать!..
Во слѣдъ любимаго Предмета
Стремишься поспѣшать—
На небеса, въ страну блаженну,
Съ безсмертьемъ на челѣ;
Такъ,—Ты оставила Вселенну—
Въ печали по Тебѣ!..
Спѣша увидѣться съ Супругомъ,
Жизнь вѣчную познай,
И тамъ съ Своимъ безсмертнымъ Другомъ
Насъ тайно охраняй!...

Александръ Тельцовъ.

XVII.

ГОЛОСЪ РУССКАГО

при извѣстіи о кончинѣ Императрицы

ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Ты вѣ небесахъ! о неизмѣнный,—
Судьбы могущія завѣтъ!..
Давноль Онъ насъ покинулъ, незабвенный,—
Давноль?... Ее ужъ въ мірѣ нѣтъ!..
Внявъ сердцу милое признанье,
Съ покинувшею міръ весной,
Она, на вѣчное свиданье,—
Ко другу вознеслась душой!...
Опять въ тоскѣ, въ слезахъ полмира,
Въ унынии Русскія сердца!...
Безмолствуетъ отброшенная лира
Отъ рукъ сраженнаго печалію пѣвца!....
Тебя ужъ нѣтъ!—пріютъ осиротѣвшій
Сиротъ, Тобой спасенныхъ, омраченъ,
Тоской внезапною питомицъ рой смущенъ:
Оставилъ ихъ хранитель оплетѣвшій!..
Онъ съ ними, Ангелъ ихъ, навѣки разлученъ!..
О сколь ихъ искренни къ Творцу о Немъ моленья!..
Тебя ужъ нѣтъ, о Ангелъ примиренья—
Несчастныхъ съ ихъ гонящею судьбой!..
Кто проліетъ сердцамъ ихъ изцѣленье?..
Кто возвратитъ имъ жизнь спасительной рукой?..
Царица! Ангелъ нашъ!—Тебѣ къ странѣ родной—

Сопутствуютъ благословенья,
Мольбы и слезы умиленья
Спасенныхъ на земли Тобой!..
Отечество мое, Россія! прахъ священной
Сердечныя любви слезами орошай!—
Молись о Ней, молись о незабвенной—
И память Ангела мольбой благословляй!...

Валеріанъ Никоновъ.

XVIII.

ЭКСПРОМПТЪ

ПРИ ГРОБѢ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Великая! и Ты, земной кончая путь,
Въ небесно Царствіе возпріяла паренье;
Пари, туда: но не забудь —
Всѣхъ Россіянъ благословенье!...

Тамъ — шамъ увидишься съ Супругомъ Ты Своимъ,
Съ которымъ царствовать со славою умѣла;
Любила Россіянъ и съ Нимъ
Сиротъ и вдовъ призрѣла!...

И воинъ раненный, дряхлѣющій старикъ,
И бѣдность скудная — къ Тебѣ дорогу знали;
Спѣша къ Тебѣ, никто изъ нихъ —
Не зналъ отнюдь печали....

Блаженствуй счастливо Ты тамъ — на Небесахъ!
Съ Супругомъ доблестныхъ безсмертіе стяжайте,
И тамъ Россіи о сынахъ,
Вамъ вѣрныхъ, умоляйте!...

П. П. Марисовъ

XIX.

ЦВѢТОКЪ

НА ГРОБѢ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Недолго погостилъ у насъ
Ты, Ангелъ воплощенной;
Билъ часъ,—и Ты, внявъ съ неба гласъ,
Совлекся ризы шлѣйной...
И нынѣ шамъ—на небесахъ,
Предъ вѣчнымъ Трономъ Свѣта,
На легкихъ радужныхъ крылахъ
Паришь, Елисавета!...
Ты искушалась на земли,
Какъ искушаютъ злато;
Ты шла, завидѣвъ цѣль вдали,
И путь Твой кончанъ свято...
Какъ тихой Ангелъ—путь земной
Ты тихо проходила,
И тихо царственной стопой
Тяжелый путь свершила.—
А нынѣ тамъ—на небесахъ
Предъ вѣчнымъ Трономъ Свѣта,
На легкихъ радужныхъ крылахъ
Паришь, Елисавета!..
Въ вѣнцѣ блаженства на челѣ
Ты горести забыла;

Онѣ остались на землѣ:
Ихъ всѣ взяла могила!...
Ты за Себя чужда заботъ;
Ихъ нѣтъ предъ Трономъ Свѣта;
А мы?.. о! не забудь сиротъ —
Земныхъ, Елисавета!...
Ты сбросила земной покровъ
И взоромъ просвѣтлѣла....
О! не своди его съ сыновъ
Печальнаго предѣла!..
Какъ на землѣ—исполни грудь
И тамъ о насъ заботы,
За насъ предстательницей будь
У Господа щедроты.—
Блюди, нашъ Ангелъ, о! блюди
Юдоль роднаго края,
И взоровъ райскихъ не своди—
Съ Россіи, съ НИКОЛАЯ!..

Р.....